

ГРИГОРИЙ АРКАТОВ

МЕЧТА МАНЬЯКА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Григорий Аркатов

Мечта маньяка

«Эдитус»

2018

Аркатов Г.

Мечта маньяка / Г. Аркатов — «Эдитус», 2018

ISBN 978-5-00058-968-7

«Современное общество было построено на великих рафинированных идеях. Свобода! Равенство! Братство! Ища высшего гуманизма, мы слишком поздно поняли, что скатились в гнетущее болото феминизма и идиократии. И те люди, что вчера яростно кричали из толпы и кидали тухлые помидоры в лицо узколобому тоталитаризму, так и не смогли почувствовать настоящий вкус победы. Им досталась новая форма истерии. Им достались слабость духа, беспомощность, стремление переложить вину с больной головы на здоровую... А как же любовь? О, о ней приходится только мечтать!..»
Содержит нецензурную брань!

ISBN 978-5-00058-968-7

© Аркатов Г., 2018
© Эдитус, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвёртая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Глава восьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Григорий Аркатов

Мечта Маньяка

Посвящается Зое

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотью.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего].

Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть.

Бытие, глава 2, стихи с 18 по 24

Спин (от англ. spin, буквально – вращение, вращать(-ся)) – собственный момент импульса элементарных частиц, имеющий квантовую природу и не связанный с перемещением частицы как целого.

Тень – это бессознательный комплекс, под которым подразумевают подавленные, вытесненные или отчужденные свойства сознательной части личности. В аналитической психологии принято выделять как созидательные, так и деструктивные аспекты Тени человека. В сновидениях Тень часто бывает представлена в виде темной фигуры того же пола, что и сам сновидец.

Википедия

– ...с самого раннего детства я впитывал всё самое светлое и чистое...

– Так что же с тобой случилось? Что произошло?

Она смотрела на меня странным испытующим взглядом и чего-то ждала. Несомненно, она ждала чего-то особенного, какого-то невообразимого ответа, прячущегося в моем труднодоступном сердце... А её взгляд... О, этот взгляд был действительно странным и в то же самое время был невероятно притягательным. Наверное, настолько же притягательным, как и её влажные блестящие губы, только что облизанные языком, как набухшие и удлинившиеся из-за возбуждения соски на её груди, как величественно выступающий клитор на фоне аккуратно подстриженной лужайки... Было в ней нечто особенное. Возможно загадка. Но какая именно я пока ещё не успел догадаться...

Глава первая

– Ну как?

На меня смотрело щекастое улыбочливое лица Васьки. Оно высунулось над офисной перегородкой и радостно ожидало ответа.

– Мы можем рассчитывать на тебя?

– Конечно, можете.

– Вот и отлично.

– Отлично.

– Тогда до встречи.

– До встречи.

Васька получил то, чего добивался. А потому его веселое лицо исчезло так же быстро и так же неожиданно, как собственно и возникло. С его исчезновением мой взгляд переместился на столбики отчетности, обильно нагроможденные на экране монитора.

– Точка, точка, огуречик...

Было легко разговаривать с самим собой. В замкнутом пространстве рабочего места никто не обращал внимания на соседа. Все выполняли общую, размытую задачу...

«Ты здесь?»

Маленькое оконце диалога всплыло в самый неподходящий момент. Оно не дало дописать слово в предложении. Получилось: «кво». Остаточное «та» умчалось в реплику по переписке. Наверное, оно было воспринято как «да». А если и нет, то я всё равно выдал своё присутствие.

«Что делаешь?»

– Что делаешь?

Я вздрогнул.

Выше офисной перегородки вылезло новое лицо. На этот раз худощавое.

– Васька сказал, ты с нами?

Вопрос был риторическим, но я всё равно на него ответил:

– Да.

– Очень хорошо.

– Я тоже так думаю.

А ещё я думал о том, как же зовут по имени это худощавое лицо.

– Пётр?..

Человек хотел покинуть мою зону комфорта, но моя реплика его остановила.

– Да.

Самым непостижимым образом я угадал. Однако же я понятия не имел, как поступить с этой никому ненужной победой.

– Пусть будут красные цветы, – произнёс я с некой искромётной интригой.

– Обязательно.

Неловкости не случилось. Худощавое лицо убралось прочь. Мой взгляд снова оказался прикован к монитору.

«Не хочешь со мной разговаривать?»

«Хочу!!!»

Зачем-то отправил слишком много знаков восклицания. Наверное, так я пытался нивелировать своё невнимание. Только вот это плохо подействовало. Ответ застрял где-то в просторах всемирной паутины. Впрочем, я не слишком расстроился.

– Дзын!

Да и не было у меня возможности на такую эмоцию.

– Дзын!

Я взял телефонную трубку и приложил к уху.

– Отчёт, – сухо потребовал голос начальника.

Ответить, как обычно, не удалось. Да, собственно, и не требовалось. Я положил трубку с короткими гудками на её законное место.

– Кофе?

Девушка как бы вынырнула из-под моего локтя.

– Нет, спасибо.

Девушка пошла дальше. В этом заключалась её миссия. Она разносила кофе каждые два часа и этим вроде как поднимала боевой дух.

– А где Оля?

Я заметил, что это была совсем другая девушка, не та, которую я видел и слышал в свой обычный рабочий день. Мне было всё равно и в то же время интересно.

– Перевели на нижний этаж.

– Почему?

– Я не знаю.

– Жалко.

На самом деле нет.

Через мгновение девушка и её тележка скрылись за соседней перегородкой. Оттуда донеслось неразборчиво:

– Кофе?

– Да-да.

Я снова вернулся к делам насущным. Я встал с кресла, взял со стола папку и направился лёгкой поступью в противоположную сторону.

Итак, работа...

В нашем офисном лабиринте новичок способен заблудиться. Но опытный, бывалый сотрудник – этот у нас даже радуется всем поворотам и зигзагам пути, что порой приходится преодолеть, прежде чем достичь «точки вызова».

«Точка вызова» – это не что-то сложное или умозрительное. Всего лишь очередная регистрационная стойка, хоть и весьма важная.

Пройдя через лабиринт, я ни с кем не столкнулся. Это означало, что с отчётом из нашего подразделения вызвали только меня. Всем прочим сегодня было уготовано продолжать строить столбцы из цифр и запятых. В этом были свои плюсы. Были и свои минусы.

– Вам назначено?

Меня спросил высокий седовласый мужчина в очках с круглыми линзами. Он стоял за регистрационной стойкой. Его очки сползли к кончику носа, так что этот человек мог своими серыми старческими глазами воспринимать реальность сразу в двух ипостасях: мутной и отчетливой. И в обоих существовал я. В обоих я отвечал:

– Да.

Мне нравился этот регистратор, как и многие прочие. В данном конкретном случае я завидовал прямой несгибаемой осанке. Меня также соблазнял своей элегантностью статный галстук-бабочка чёрного цвета. Да и очки по-особому нравились.

– Характер вашего обращения?

– Консультация по вопросам еженедельного отчёта.

– Кто ваш дериватор?

– Николай Петрович Вяземский.

– Ваш доступ ограничен до 37 минут. При превышении лимита допустимых затрат рабочего времени вас ждут штрафные санкции.

– Хорошо.

- Вы только что были предупреждены.
- Спасибо.
- Приложите ваш личный штрих-код к аппарату.
- Хорошо.

Было весело. Было немного щекотно. Лазерный луч считывающего аппарата медленно полз по тыльной поверхности моей левой ладони, которую я сунул в специальный отсек. Процедура была недолгой. Она заняла пятнадцать секунд. Аппарат при этом издавал тихий жужжащий звук. Было забавно. А потом процедура закончилась.

- Когда поднимитесь на сто сорок седьмой этаж, не забудьте повторить процедуру.

Инструктаж себя исчерпал. Я вынул ладонь из аппарата, скользнул взглядом по регистратору и пошёл дальше. Сначала пересёк желтую линию, потом красную, оказался в зеленом квадрате, содержащем схематичное изображение стоп.

- Сто сорок седьмой этаж, – сказал я, смотрите прямо перед собой.

Последовал короткий писк, а затем голос из-под моих подошв сообщил:

- Принято.

В моей компании любят всё новое. А ещё в ней всеми способами блюдут безопасность. Таковы главные причины, по которым у нас нет ни лестниц, ни лифтов. Уже давно.

Всё началось с экономии времени, потому как путь к сто сорок седьмому этажу не близкий. Потом кто-то решил, что опасно устраивать скопление людей в замкнутом помещении. Видите ли, могут возникнуть плохие мысли или нерабочие желания. Позднее добавились ещё всякие разные поводы, такие как борьба с терроризмом, хищением и утечкой информации. И, в конце концов, все просто привыкли к новому.

- Войдите в резервуар.

Резервуар на самом деле – это нечто!!! Иногда он мне снится. Иногда, когда глаза устают перепроверять цифры и запятые, я на секунду закрываю глаза и вижу его. Это замечательно!!! Уверен, многие испытывают схожие чувства. Здесь не может быть сомнений.

За зелёным квадратом следовал металлический сток. Я шагнул в него. От экстатического волнения мне стало очень хорошо. Я бросил взгляд далеко вперёд, туда, где многие стоки переходили в трубы, которые делали несколько виртуозных петель, пока наконец не извергали своё содержимое в огромный прозрачно-голубой стержень, что невесомо существовал в сердцевине здания и тянулся от первого этажа до последнего.

Никто не сказал «активация» или что-то в этом духе. Лишь короткий электрический разряд прошёл сквозь щиколотки. А затем мир перед глазами резко расплескался.

В следующее мгновение я уже находился перед очередным считывающим аппаратом.

- Процедура прошла успешно.
- Спасибо.

Отвернувшись от ящика, встроенного в стену, я пошёл дальше по коридору. Мой путь привел меня к кабинету моего начальника.

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Готово?
- Готово.
- Положите в вашу ячейку.

Я сделал, как было велено, и собрался было покинуть своего дериватора. Но он меня остановил.

- Постой, – сказал Николай Петрович.
- Я обернулся. Рука сорвалась с дверной ручки.
- Тебя вызывают на сто сорок восьмой этаж.
- Кто?

- Высшее руководство.
- Зачем?
- О, если б я знал...

Николай Петрович со своими чёрными пушистыми усами не знал. Он был всего лишь одним из старших чинов – дериваторов.

- И что мне делать?
- Идти.
- Хорошо.

Я снова повернулся к выходу. Чуть погодя я покинул кабинет начальника. Однако вовсе не для того, чтобы вернуться на рабочее место. Так бывало обычно. Но не сегодня. Сегодня у меня было особое задание.

Мой путь повёл меня дальше – в самый конец коридора. Справа и слева от меня то и дело мелькали всё новые и новые таблички. Они блестели своим полированным металлом, удивляли многообразием имён и фамилий. А я шёл дальше, до тех пор, пока не оказался там, куда путь заказан отнюдь немногим.

Я знал, что это находится где-то здесь. Об этом ходили офисные легенды. Но как именно это выглядит и как происходит, я не знал. Об этом не знали и все мои знакомые. Об этом не знал даже Николай Петрович, хотя казалось бы его великолепным усам должно было быть подвластно всё. Но нет. Он никогда не бывал в конце коридора. Его не вызывали. А меня вот вызвали.

- Представьтесь.

Удивительно! Я вряд ли мог когда-либо поверить, что со мной будет разговаривать бронзовая статуя раненой амазонки. Но она действительно говорила:

- По всем правилам.
- А у амазонок есть правила?
- Я лишь пытался уточнить.
- Вы правы.

Скульптура внезапно закатила свои бронзовые глаза и громко лязгнула бронзовой челюстью. А потом она очень неожиданно обратилась в прах. Большая и тяжёлая статуя внезапно стала кучкой трухи у меня под ногами. Я смотрел на эту пыль и вроде как чувствовал озадаченность.

На мои губы прокралась застенчивая улыбка. Но ненадолго.

Треск, хруст!!! Пол под ногами начал шевелиться, потом и вовсе затрясся. Большой кусок штукатурки свалился с потолка в метре от меня.

Я бросил взгляд по сторонам. Я уже не улыбался. Но испуган я тоже не был.

Ещё больше тряски! Ещё больше хруста!

Стена цвета слоновой кости в некий переломный момент дала кривую вертикальную трещину в своей условной середине. Ещё один кусок штукатурки упал совсем рядом.

Я напрягся, сделал максимальный упор ногами в пол. И как раз вовремя. Пол стало трясти до безобразия сильно. Это длилось две-три минуты, а затем было короткое мгновение бездействия, после которого две части треснувшей стены стали медленно разъезжаться в разные стороны. Здесь мне оставалось только выждать. Было очевидно, что происходящее само меня направляет.

Через минуту или немногим более трещина в стене расширилась до удобоваримого прохода. И тогда движение частей прекратилось. Пол перестал вибрировать. Пыль штукатурки плавно оседала вниз.

Любопытство заставило меня снова оглядеться вокруг. Мне было очень интересно – а прибежит ли кто-нибудь в этот конец коридора и прокричит ли он, хватаясь за голову:

- Чё? Как?

Но никто не прибежал. Я никого не увидел за своей спиной. Ну а впереди меня ждала чарующая притягательность тёмного прохода в никуда. Я должен был в него пройти.

Вдруг в кармане задрожал телефон.

«Я смотрю настороженно на то, что ты вчера написал», – именно это я прочитал на экране.

«Напрасно!» – таким был мой ответ.

«Почему?»

«Я с некоторых пор стараюсь избегать ебанутых женщин».

Коридор... Нет! Тёмный проём.

Я смотрел вперёд. Но переписка не прекращалась. Видимо никакая грубость с моей стороны не могла остановить девушку Катю.

«По поводу того, почему я терплю твоё хамство и грубость...»

Не было времени, но мне внезапно стало интересно.

«Пункт первый. Твое поведение не характерно никому из тех людей, с кем я общаюсь. И оно «разрывает мои шаблоны»;

Пункт второй...»

Она решила выдать целый список. Она захватила мое внимание. Так что я не смог удержаться от пункта второго.

«Я думаю, что ты не такой, каким хочешь казаться (возможно, что это мое заблуждение и ты именно такой);

Пункт третий. Ты не поддаешься моему обаянию, и меня это выводит из себя (никто ещё не устоял));

Пункт четвертый. Мои проблемы и то, чего мне не хватает (без комментариев, просто как факт);

Пункт пятый. Ну ты же умный, а умных нужно слушать; ...»

Несомненно, она могла продолжать вечно. Однако вечность не могла такого позволить.

– Чего ты ждёшь?

Сначала прозвучали слова. Чуть позже в проёме появился человек.

– Здравствуйте! – сказал я рефлексивно.

Моих знаний не хватало, чтобы понять и оценить это появление. Но нутро мое чуяло, что некая «шишка» обратила на меня свое внимание.

– Владимир?

Он был одет с иголочки. Я всегда считал себя идеалом. Но тут понял, что есть к чему стремиться.

– Да.

– Вы заблудились?

– Нет.

– Я вас уже долго жду.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что я смотрю на вас и понимаю, что сегодняшний день будет прожит не зря.

Человек, стоящий в кривом и косом проёме разверзнувшейся стены рассмеялся звонким жизнерадостным смехом.

– Вы – смешной.

Такой вот он сделал вывод, когда вдоволь насмеялся.

– Заходите уже.

Его рука позвала меня внутрь проема, после чего сам он выпал из поля зрения.

Я был заинтригован. Не происходящим. Моя жизнь всегда была насыщена событиями. Но новое лицо явилось глотком прохладного нектара в лютую жару.

Я сделал шаг вперед.
Однако в кармане всё ещё что-то дрожало.
«Вот!».

Девушка закончила на триста пятьдесят четвёртом пункте.

«Поживем-увидим», – написал я, а потом перевёл телефон в бесшумный режим и занялся действительно стоящими вещами.

За разломом в стене вовсе не было темно. Меня запутал внешний иллюзорный эффект.

Преодолев зону разлома, я оказался в просторном светлом помещении. Окон здесь не было, светильников тоже. Но всё равно было очень светло.

– Хорошо у вас тут.

– Я знал, что вам понравится.

Тот, кто прежде звал к себе на тет-а-тет, теперь сидел в непринужденной позе на большом П-образном диване серо-зеленого цвета. По бокам прямо из мраморного пола в огромном количестве росли всякие причудливые растения, карликовые пальмы, большие цветущие кактусы и ананасы. За диваном огромной стеклянной стеной располагался гигантский аквариум. Внутри этого водного резервуара в толще ярко-бирюзовой воды мягко лавировала двухметровая рыба зелено-фиолетового цвета с желтыми крапинами на спине и на брюхе. Её вытянутая голова была направлена перпендикулярно моему взгляду. Рыбина неторопливо шевелила своей огромной челюстью. А один чёрный с красными прожилками глаз смотрел на меня с явной предосудительностью, а то и злобой.

– Нравится?

– Интересная рыбина.

– Моя гордость.

– Никогда не видел таких раньше.

– Да, это особый экземпляр.

Хозяин водоплавающей твари поманил меня к себе и указал на свободное место рядом.

– У нас с вами важный разговор, – добавил он.

– Отлично.

– Вы были замечены.

– Очень рад.

– Взаимно.

Я был не против удобно расположиться в гостях. У светлого просторного помещения была своя особая атмосфера. В этом я видел большой плюс. Хотя мне и не было до конца понятно, с кем же я собственно веду разговор.

– Да-да, сюда.

– Спасибо.

Несколько мгновений пути я был через край наполнен гордостью за себя и за своё социальное положение. Я считал, что происходящее со мной в сиюминутный момент времени является закономерным последствием моей безупречной и высокопрофессиональной службы. Всяческие предчувствия давно обещали мне нечто подобное. Они обещали мне награду за мою безупречность. И вот ожидаемое произошло.

– Уверен, вам понравится.

Впрочем, едва мое тело приземлилось на гостеприимный диван, случился сюрприз. Освещение внезапно погасло. О, это был большой неожиданный сюрприз. Я и весь окружавший меня мир вмиг погрузились в темноту.

– Не бойтесь, – рассудительно прошептал сосед по дивану.

– Не боюсь, – заявил я.

На секунду задумался. Потом сказал:

– А напитки будут?

– Конечно.

Никакого смущения. Словно так было правильно. Будто я сказал как раз то, что следовало.

В темноте раздался шелчок пальцев. Мгновением позже в моей руке оказался охлаждённый бокал. Ждать было незачем, и я попробовал напиток на вкус. На языке появилась приятная кислинка.

– Вкусно.

Мой сосед по дивану ничего не сказал в ответ. Мы оба продолжали сидеть в темноте. Мы оба чего-то ждали. А я не любил ждать. Вот и спросил:

– Чего?

Тишина. Тихая пронзительная тишина. И темнота. Я слышал ровное дыхание соседа по дивану. Я слышал пульсацию крови в собственных висках. И вот он сказал:

– Я знаю, вам нравится ваша работа. Монотонная чередка манипуляций с цифрами и запятыми. Это освобождает.

– Наверное.

– Но вы должны понять одну очень важную вещь.

– Какую?

– Возможно вы – это последняя надежда этого мира.

– Смахивает на психическое расстройство. Претензия на исключительность?

– Возможен и такой вариант.

– Возможен?

– Да. Но если мы не попробуем, то как мы узнаем наверняка?

– Мы?

В темноте раздался короткий радостный смешок.

– Теперь вы работаете на меня.

– Разве прежде было иначе?

– Было.

– Точно?

– Вы работали на мою мать.

– И куда она делась?

– Она в коме. Вы не смотрите телевизор?

– Нет.

– Она поскользнулась в ванной и ударилась своей тупой башкой об умывальник.

– Надо же...

Я попытался сфальсифицировать в голосе тембр вежливого удивления. Не получилось. Тогда я просто ещё раз отпил из бокала. Это отвлекло меня от ненужных душевных терзаний. А мой сосед по дивану тем временем продолжал говорить:

– Мне повезло.

– В чем?

– В том, что эта сука не сдохла.

Тут я едва не поперхнулся. Видимо моральная дилемма всё же попыталась выйти мне боком.

– Думаете, почему я выбрал вас?

– Понятия не имею.

– Вы привыкли к другой жизни.

– И что?

Я думал, будет ответ. Но вместо этого за спиной раздался тихий журчащий звук. Можно было обернуться и увидеть. Но я и так быстро понял, что это такое. И чуть позже широкий

конус голубоватого света рассек пространство между двумя мужчинами, сидящими на диване. Так их разговор дополнила картинка, нарисованная в воздухе.

– Это мой отец, – сказал мой сосед по дивану.

– Не понимаю, – сказал я.

Я отвёл взгляд от фотографии, парящей в воздухе, и направил его в сторону собеседника. Теперь благодаря разделявшему нас пучку голубоватого света я видел его лицо. Оно было грустным, задумчивым, но не печальным. Жизнь бурлила в этом лице, несмотря на некую терзавшую его боль.

– Я тоже не понимаю, – сказал этот человек, – Так что узнайте правду.

Глава вторая

– Люби меня!

– Зачем?

– Что значит «зачем»?

– Зачем мне в течение полугода любить себя в другом человеке, если я могу любить себя всегда, постоянно, вечно? К тому же для меня это будет совершенно бесплатно.

– Ты это сейчас о мастурбации говоришь?

– Разговор с тобой и есть мастурбация.

Я вышел из туалета. Девушка осталась там.

– Ну что у нас нового?

Подойдя к стойке бара, я взял в руку бокал с квасом и немного отхлебнул.

– Что-то ты быстро...

– Значит, это твоя была идея?

Я сделал ещё один глоток напитка, потом повернул лицо в сторону Валеры.

– Виноват, – сказал он.

Но его хитрый взгляд говорил куда больше. И во взгляде не было вины. Я мог бы попытаться развить дискуссию на этот счёт, но тут к нам подскочили главные массовики-затейники сегодняшнего торжества – Васька и его сводный брат Кирилл. Так что стало не до анализа.

– Слышал, тебя сегодня вызывало большое начальство.

Кирилл был внешне совсем не похож на своего брата. Он был очень худощав, жилист, с длинными тонкими руками, с длинными тонкими пальцами, с длинными ногтями на правой руке. Ногти были выращены специально для ночных репетиций собственной музыкальной группы, которые проходили в одном печально известном гараже.

– Да, – подтвердил я.

И тут же почувствовал, как длинные ногти впились в мое плечо. Это рука Кирилла подружески оказалась на моем плече.

– И как? Чего хотел?

– Отчеты.

Я соврал. Так уж мне захотелось.

– Он у нас восходящая звезда.

Васька всегда меня хвалил, хотя его рабочий разряд был на три уровня выше моего. То есть он вроде как был старше по должности. Но строить из себя злого карьериста и завистника было не в его духе. Это скорее было характерно для его брата. Васька же предпочитал устраивать дружеские посиделки по пятницам и быть душой компании.

– Выпьем за это, – предложил Валера.

Его кривой указательный палец поманил к себе бармена.

– Всем по квасу.

– У меня есть, – уточнил я.

– Будет ещё.

Валера рассмеялся. Его левый глаз подмигнул мне. Но через секунду лицо ведущего клирингового аналитика нашего отдела стало слишком серьёзным для веселой пятничной вечеринки.

– Звук сделать можешь?

– Что?

Бармен был слишком увлечён заказом, чтобы понять новое пожелание клиента.

– Пульт от телевизора где? Включи звук...

На последних слогах Валера едва не сорвался на нервный крик. А это было для него весьма не характерно.

– Да-да, сейчас.

Бармен – молодой парень, возможно студент, зарабатывающий себе на съемное жильё и кусок хлеба, меньше всего был заинтересован в жалобах от посетителей. Поэтому он мигом метнулся, нашёл пульт и нажал на нужную кнопку.

– Сегодня Капитан Пузатик снова нанёс кощунственный удар нашему городу!..

С экрана гневно тараторила длинноволосая блондинка лет тридцати. Так что и мне, и всей прочей компании стала ясна причина чрезмерной эмоциональности нашего друга.

– Опять эта сука, – с едкой ненавистью процедил он сквозь зубы.

– А вы не боитесь так говорить?

Ещё один человек сидел в углу, в стороне от нашей компании. Он выбрал себе маленький уютный столик с одним-единственным стулом, припертым к стене. Мягкий свет настенного светильника падал на половину столика, на половину стакана и на половину лица. Остальное существовало в тени.

– Не боитесь? – повторил этот человек.

Кажется, он пил виски. В его стакане было два наполовину растаявших кубика льда.

– С чего это мне бояться? – возмутился Валера.

Он резко развернулся в сторону того, кого воспринял как обвинителя. В глазах пылко горело уязвлённое самолюбие.

Все остальные последовали его примеру. И я тоже. Но не потому, что испытывали те же самые чувства. Просто сработала психология масс.

– Это нормально.

– Нормально?

– Да, бояться – это нормально.

– Не боюсь я...

– Боишься. Вы все боитесь. И именно поэтому все вы пришли в этот странный бар в пятницу вечером. И это нормально. Мир пугает вас. Это нормально. Вы...

– Да что ты о себе возомнил?!

Все смотрели в угол бара. Все смотрели и слушали. Слова стучали в головах и отдавались эхом в сердце. Все понимали, что звучит правда. Не совсем все, конечно. Только нашей компании было дело до человека, сидевшего в углу с полупустым стаканом виски в руке. Другие посетители веселились по-своему. Да и Валера отнюдь не был настроен на продуктивный разговор.

– Ты кто такой?!

– Человек.

– Сейчас ты станешь человеком с побитой мордой!

Валера в нашей компании имел самое крепкое телосложение. В отличие от Васьки, он не потчевал себя сдобой. В отличие от меня, Кирилла и Петра, он не ленился и три-четыре раза в неделю ходил заниматься в тренажёрный зал. А ещё он плавал, занимался борьбой и танцами. Короче пробить чужой головой стену ему ничего не стоило.

– Падла!

И вот он попытался встать.

– Эй-эй, успокойся, – попросил его Васька как самый мягкий и добродушный из нас.

– Оставь его, – попросил я как самый благоразумный.

– Прекратить! – потребовал бармен-студент вежливым приказом и положил свою руку поверх руки смутьяна.

Валера повернул голову на сто восемьдесят градусов. Он посмотрел на барную стойку, на свою руку, лежащую на ней, на бокал с квасом, стоящий в сантиметре от кончиков пальцев, на руку бармена.

– Прошу разбирайтесь с дерьмом вне этих стен.

Бармен убрал руку. Валера посмотрел его приятные голубые глаза.

– Ты всё понял?

– Хорошо, – пообещал Валера.

И он незамедлительно вернулся на свой стул. А вся компания постаралась забыть про человека в углу.

– Так что с этой телкой?

Именно так Пётр завёл новую тему для разговора.

– Это не она. Просто какая-то дура, – сказал я.

– Что она хочет?

– Хочет, чтобы её любили. Хочет выйти замуж.

– Действительно дура.

Мы все дружно рассмеялись и заказали ещё по квасу.

* * *

– Мне было пять или шесть лет, когда я внезапно понял, что когда-нибудь умру. Я помню, как почувствовал безысходную суть этой простой истины.

– И что ты сделал?

– Я попытался осознать своё место в этом мире. И попытался надеяться, что за его пределами есть что-то ещё.

* * *

Через полчаса было уже 21:00. Быстро и незаметно настало время Икс. Мы все оставили свои грязные пустые бокалы на безукоризненно чистой полированной стойке бара. Валера бросил воздушный поцелуй бармену. Тот не оценил этот жест, был слишком занят полировкой чайника. Ну и бог с ним! Нас ждали. И мы пошли.

– Как ты думаешь, какой она будет на этот раз? – спросил меня Пётр.

Он легонько взял меня за локоть, стараясь обратить на себя мое внимание. В ответ я лишь вскользь прошёлся по нему взглядом. Острый глаз успел высмотреть с усилием поджатые губы. Он нервничал.

– Расслабься, – предложил я.

Потом мы прошли сквозь двухстворчатые двери.

– Скоро уже.

Двери шумно хлопнули за нашими спинами, частично заглушив звук моего голоса. Далее вся наша компашка ровным выразительным шагом двигались вперёд по широкому коридору, залитому голубоватым светом, который претенциозно сочился из стен. Мы шли без слов, без эмоций. Мы шли к цели.

– Добро пожаловать!

Нас встретили двое охранников. Они были в чёрных костюмах, при галстуках, с отполированными ботинками. Их серьёзные лица охраняли очередные двойные двери.

– Есть колюще-режущие предметы?

– Нет.

– Проходите.

И мы прошли. Вторые двойные двери сначала распахнулись перед нами, потом захлопнулись за нами.

– Мы снова здесь! – сегодня нас вёл Кирилл.

Сегодня он был впереди. Сегодня ему было невтерпёж.

– Да-да, – поддержал его Васька.

– Как-никак пятница, – заметил Валера.

Только вот голос его не был ни восторженным, ни веселым в отличие от предыдущих ораторов. В такие особые минуты Валера обычно становился особенно задумчивым, сегодня же – почти созерцательным.

Ну а Пётр предпочел отмалчиваться. Его нервозность была ему дороже любых слов.

– Проходим, проходим! – поторопил я нашу честную компанию.

Впереди нас ждали дорогие кожаные диваны кислотно-оранжевого цвета, а за ними небольшая сцена с шестом по центру.

Сделав несколько шагов, мы расселись.

– После офисных стульев – это настоящий рай, – заявил Кирилл.

Он сбросил с ног ботинки и расположился как дома.

Я завидовал его непринужденности. Сам я не мог себе такого позволить. Статус, положение, эго – всё это держало меня в пределах некогда заданных границ. А вот Кирилла ничего не держало.

– Как тебе, Васька? – спросил он присевшего рядом с ним брата.

– Думаю, будет весело.

– Точно.

Кирилл рассмеялся звонко, по-мальчишески. Ещё он достал из кармана пачку фруктовой жвачки, бросил в рот четыре подушечки и протянул оставшиеся брату:

– Жуй, – сказал он и продолжил смеяться.

Васька в ответ немного смутился. Всё-таки его характер не был так напорист как у брата. Он неловко оглянулся в мою сторону.

Я сидел в строгой позе, подтянутый, с прямой спиной в геометрически точной середине. По отношению к нему это было слева. Мой прожигающий взгляд был устремлён вперед на сцену, где вскоре должно было закрутиться шоу. Но при этом все мои органы чувств контролировали ситуацию как слева, так и справа.

Они знали, что Пётр постарался сесть ко мне как можно ближе, ища нисхождения на него моего опыта и моего авторитета. Они знали, что Валера постарался в этот раз дистанцироваться от прочего состава команды, попав под влияние некоего особого порыва настроения. Они знали, что Васька неосознанно ищет у меня моральной защиты от своего брата. И я, естественно, старался ему её дать.

Да, я знал всё о своей команде. Сегодня я снова был её капитаном. Хотя и считал всю затею несколько глуповатой, вычурной, надуманной. Но так уж получилось, что я был в этой ситуации крайне необходим. Моя роль здесь была важна. И я понимал, что не так уж и сложно играть её всего лишь раз в неделю.

– Народ, а дайте мне тоже жвачку!

Пётр не хотел отставать от популярных тенденций. Этой манией он видимо попытался справиться со своим волнением.

– Лови!

– Поймал.

Тут даже я не смог не улыбнуться. По обе стороны от меня внезапно стало слишком много веселья.

– А он ведь едва не попал тебе в ухо, – заметил Кирилл, – Тебя спасла твоя отменная реакция.

– Всегда готов.

Кирилл уже практически лежал на диване, положив голову на боковой выступ. Ему нравился сегодняшний день. Ему нравилась его жизнь.

– Валер, а ты будешь жвачку? – спросил Пётр, когда приступ радости пошёл на убыль.

– Нет.

Валера ответил коротко, немного резко. Но злобы или негодования в его словах не ощущалось. Он был всецело сосредоточен на своём телефоне. Его лицо выражало озабоченность некой проблемой.

Конечно, будь он чужим человеком, я и все прочие оставили бы его в покое. Но все мы были друзьями. Плюс к тому же сегодня мы были единой командой.

– Ты чего там делаешь в своём телефоне?

Вопрос Кирилла из полулежачего положения прозвучал чересчур вызывающе. Так что я постарался смягчить эффект своим замечанием.

– Ведь это ты нас сегодня собрал. Ты стал тем, кто подал идею. А теперь ты нас игнорируешь?

Мои слова, замешанные на логике и здравомыслии, попали точно в цель. Валера отнял глаза от телефона на мгновение. Но только лишь на мгновение.

– Извините, ребята, – с искренним сожалением произнёс он, – Внезапные дела. Я должен это решить. Дайте мне десять минут. Потом я буду всецело ваш.

Отвечать не нужно было. Мы просто приняли к сведению его пожелание. К тому же пришёл официант и нам тоже понадобились решения.

– Мартини... – попытался сказать я, когда очередь дошла до меня.

Но в тот же самый момент яркое освещение резко померкло, а на сцену с оглушительным треском рухнул старый ламповый телевизор с диагональю около метра.

– Пах-па-бах!!!

Все разговоры тотчас стихли. Официант исчез, растворился без всякого обещания исполнить свои исконные обязательства.

– Эй, эй!.. – я попытался окрикнуть его, ища взглядом, но бесполезно.

Он исчез с концами. Остались лишь мы – пятеро друзей, которые напряженными взглядами смотрели на упавший с неба телевизор.

И все мы ждали.

В прошлый раз всё было иначе. Совершенно по-другому. Без этого вычурного гротеска. Однако была некая внутренняя уверенность, что общий смысл и одна-единственная суть оставались прежними.

Вот мы и ждали. Наши глаза настойчиво следили за тем, как медленно оседают пылинки из поднятого падением столба пыли. А сердца бешено колотились от освободившегося адреналина. Теперь не только Пётр волновался. В тот самый миг все мы оказались на нервах. Всем нам требовалась валерьянка. Мы ждали, ждали, ждали...

И вот наконец раздался глухой щелчок.

– Пцм!

После щелчка тёмный экран телевизора перестал быть тёмным. Его заполнили широкие, узкие и кривые помехи белого шума. Из динамиков громко зашипел противный звук:

– Ш-ш-ш-ш...

Это длилось минуты три. Пылинки тем временем продолжали оседать. Саспенс продолжал нагнетаться. А затем был ещё один щелчок.

– Добрый вечер!

Помехи исчезли. Шипение заглохло. На экране появилось квадратное лицо. Рисованное. Карикатурное. Состоящее из простых прямоугольных линий и точек. Это было не настоящее

лицо. Но, тем не менее, кривой изгиб его рта двигался в такт произносимым словам. Лицо говорило. Его речь была обращена к нам:

– Приветствую Вас, наша старая добрая команда прежних победителей. Вас давно не было у нас в гостях. Мы скучали. Но вот вы и вернулись. Так что сегодня мы с вами устроим достойное шоу.

Лицо рассмеялось глухим хрипом, словно само не верило своим громко сказанным словам. Хотя, поймите, что это было рисованное лицо. Как можно было ему верить? Я не верил. Да и другие вряд ли. И оно не верило. Но такова была игра. И мы впятером пришли в неё играть.

– Итак, сегодня с нами играет команда «Парнишки с умишком». Представьтесь, пожалуйста, для тех, кто не видел прежних наших трансляций из глубокого подполья.

– Владимир Шпендель, – являясь капитаном, я естественно взял слово первым, – специалист тридцать седьмого разряда.

Потом вразнобой представились остальные парни.

– Валерий Плеханов, тридцать восьмой разряд.

– Пётр Урицкий, тридцать седьмой разряд.

– Кирилл Сенкевич, тридцать седьмой разряд.

– Василий Сенкевич, сороковой разряд.

– Прекрасно! – заявило рисованное лицо.

Оно ещё немного похрипело, посмеялось, а потом сказала:

– И вот мы уже начинаем. Наша первая участница выбралась к нам сюда из пригородного района Новокукуево. Её зовут Ксюша. Она работает дизайнером одежды, живет с тремя подругами, считает, что могла бы добиться большего, если бы не злые подонки мужчины.

Лицо замолкло. Мы тоже молчали. Не было никаких приветствующих аплодисментов. Только взрывное биение пульса в висках. От гнева, от ненависти, от досады, от разочарования, от непонимания чужой лживой правды – от всего этого нас бесило так, что просто нет слов. Впрочем, именно поэтому мы и играли. Именно поэтому мы создали свою команду.

Секунд через тридцать гробовую тишину осторожно нарушило цоканье каблучков. Этот звук стучал прямо по мозгам. Он вымораживал. Лил через край взбешённое содержание.

И вот на сцене появилась она.

– Что? Она? – Кирилл не удержал впечатления и прыснул ртом.

– Я... – девушка запнулась.

Её большие голубые глаза округлились. Видимо она не была готова к тому уровню враждебности, на которое наткнулась. Наверное, она ждала чего-то другого. Но получила она то, что получила. Презрение и холод от меня и Валеры, удивленный скептицизм от Кирилла. Васька сморщил физиономию как от самого кислого лимона. Ну а Пётр зачем-то крикнул:

– Пошла на хер!

Слава богу, что правила мероприятия не запрещали таких высказываний. Иначе нас бы выгнали взащей из-за такой вот несдержанности. А так обошлось лишь тем, что некоторые из нас ощутили смущение и стыд. И то ненадолго. Ведь те, до кого добрались эти чувства, тут же напомнили себе о том, кто создал в их жизни бесчисленные моральные запреты. И тогда самобичевание растворилось подобно миражу.

– Есть семь условий, семь обстоятельств, которых я дожидаюсь. При их правильном сочетании я буду счастлива.

– Да похер мне на твои условия!

Девушка продолжила. Но и Пётр продолжил тоже.

– Ты – грязная шлюха!

И теперь встал вопрос:

«Кто же окажется более выдержанным и стойким?»

Тот, кто кричит? Или тот, кто продолжает говорить?

– Вчера мой парень покончил с собой. Это ужасно. Все мои парни заканчивают таким образом. Мама говорит, что это какое-то странное проклятие. Но мне кажется, что всё куда проще. Это бич нашего времени. Весь мужской род сегодня представлен одними слабаками. Ведь это уже девятый!

Таким коротким, но емким и обвинительным был её рассказ. Он закончился, и теперь она ждала соответствующей реакции. Но те, кто дышал ниже уровня сцены, не торопились с вопросами. В принципе, им и так всё было ясно, что нет ничего ясного.

А она ждала.

– Что скажите?

Всё-таки это она не выдержала.

– Что я должен сказать?

Я посмотрел влево. В руках у Валеры уже не было телефона. Его руки были пусты. Но выражение лица, бравшее свои истоки в горячей сердечной мышце, не было пустым. В нем было много мыслей и ещё больше ненависти. А ведь ранее её там и так было предостаточно.

– Чего ты хочешь от нас?

– Ничего.

Ответ прилетел слишком быстро. Словно это был вовсе не ответ, а заготовка. Такие раньше встречались в старых моделях мобильных телефонов. Типа «Я занят. перезвоните».

То есть было ясно, что девица врет и не краснеет.

– Так ли это?

Лицо Валеры Плеханова издевалось.

– Такова ли правда? – говорило оно.

– Так...

Очень неуверенно.

Мне и трём другим игрокам было интересно наблюдать за зарождением малой словесной баталии. В прошлый раз все мы по большей части молчали. Сегодня же Валера сделал нечто новое. Он ввязался в спор.

– Так нечестно.

– Давишь на жалость?

Четверо рассмеялись. Девушка в бессилии рухнула задом на телевизор.

– Вы злые?

Казалось, она вот-вот заплачет.

– Прошу не оказывать давления на жюри!

Рисованное лицо недовольно кривлялось между женских ног.

– Это против правил!

Вняв замечанию, девушка смахнула рукой так и не проступившие слёзы и подскочила с телевизора. Но потом внезапно включился женский мозг. Она обернулась, слегка нагнулась и уставилась своими невинными голубыми глазами на рисованное лицо.

– Ты кто такое, чтобы мне указывать?! – громко поинтересовалась она, и брови её при этом пошли зигзагом.

Её правая нога слегка дёрнулась, но осталась на месте. Дорогую туфлю на ноге было жалко портить из-за ерунды.

– Ты – ерунда! – заявила красотка и гневно ткнула пальцем в сторону рисованного лица.

Чуть погодя она развернулась и ткнула тем же самым пальцем в тех, кто сидел ниже:

– Вы все тоже ерунда!

Только вот теперь красота была утеряна. Прежде милое женское личико стало кривым и безобразным из-за переполнившего его выражения неумемного каприза. Теперь слёзы текли по щекам самые настоящие. И рот кривился и стонал:

– Уроды вы все! Мужики поганые!..

Я не видел со своего места рисованного лица. Его заслоняли части женского тела. Однако это не означало, что лицо бездействует. Оно было по-своему недовольно. И поэтому оно кричало, изредка проглядывая одним глазом между женских ног:

– Ну, кто уже врежет этой шлюхе по лицу? Даю миллион!

Я улыбнулся. Я подумал, что это очередная хохма. А вот Пётр воспринял призыв-предложение всерьёз. И не успел я опомниться, как его кулак оказался на сцене и метко скользнул по воздуху.

– Получи, тварь! – слова заглушили звук соприкосновения костяшек со скулой.

Однако звук падения все расслышали чётко. Это милая дама мертвым грузом рухнула на телевизор, перевернула его и, скорее всего, сломала...

Снова раздался белый шум помех. И голос рисованного лица уже не звучал.

Глава третья

- Ты пробовал не думать?
- Пробовал.
- И как?
- Не получилось.

На улице уже стемнело. Я вышел чёрным ходом всего-навсего минуту назад. Моя цель якобы была банальна, скучна и прозаична – хотелось немного прийти в себя на свежем воздухе.

Дверь позади быстро захлопнулась. И там, за ней, остались мои друзья, мои враги и некое тайное общество, устраивающее самые необычные состязания между мужчинами и женщинами.

– Наконец-то, – сказал я, обращаясь к ночной прохладе.

После душного помещения интеллектуальных прений она была самой необходимой вещью.

Впрочем, меня никто не заставлял быть там, внутри помещения. Тем более что я был полностью согласен со всем тем, что там творилось: с каждым словом, с каждым жестом. Даже с ударом в глаз. Он позабавил меня в своей примитивной форме. И всё же это было слишком. Чересчур для второго раза.

Другое дело здесь.

В тёмном проулке мне сразу стало лучше и спокойнее. Я вышел сюда с тяжёлым сердцем. Но мне быстро полегчало. Пульс устаканился. Мозг снова начал работать адекватно. И ему совершенно точно стало ясно, что сорок пять минут социального нигилизма в подпольном сообществе – это серьёзное испытание для психики.

А тут...

Луна. Звёзды. Всё как и полагается такой тихой спокойной безмятежной ночью.

Я глубоко втянул в себя ещё один глоток свежего воздуха, затем медленно выдохнул. Вот так жизнь постепенно налаживалась.

Или же мне всего лишь очень сильно хотелось в это поверить?

Я посмотрел далеко вперёд. Там, в месте, где заканчивались красные кирпичные стены проулка, можно было видеть перпендикулярно расположенную проезжую часть. До неё было метров тридцать или около того. Бессмысленным мельканием в обе стороны давали о себе знать разноцветные автомобили. Все они куда-то спешили с допустимой законом скоростью.

А я стоял здесь, в тёмном проулке, которому почти не помогало далекое искусственное освещение улицы. Да и небольшое оконце над дверью чёрного хода не обладало силой раскалённого солнца. Казалось, и я и проулок остались забытыми этой Вселенной.

Я стоял и никуда не торопился. Я уже давно никуда не торопился. Некуда было спешить мне, Вове Шпенделю. Вся моя суета осталась в далеком-далеком прошлом.

Трагическая опустошающая мысль заставила мою руку залезть в карман и достать телефон. Несколько кликов и вот уже пошёл вызов абонента.

- Привет!
- Привет!
- Как дела?
- Отлично.
- Как тебе моя идея?
- Если честно, то идея не из лучших.
- Почему?
- Времена и ситуация уже не та, что пятнадцать лет назад.

– Но...

– Я – семейный человек, с двумя детьми, со своими ежедневными проблемами и заботами. В гости никого не приглашаю и не жду. Не только тебя. Никого.

– Но...

– Надеюсь на понимание...

Чем-то ещё пополнить этот телефонный диалог было невозможно. Мгновение я молчал, а потом повесил трубку.

Внутри меня в очередной раз что-то оборвалось.

Каждое следующее слово замороженной в памяти притворно-вежливой речи отдавалось в моих мозгах громким эхом, которое тут же трансформировалось в колюще-режущую боль отчаяния. И, в конце концов, эта глубоко ранящая боль меня накрыла. Мне не удалось найти в себе сил продолжать её терпеть. Да и не зачем было? Ведь можно было кое-что сделать. И я сделал. Я запустил телефон в невидимого и необъятного врага.

– Пошёл на хер!

От столкновения с кирпичной стеной телефон с громким треском раскололся на несколько частей, которые разлетелись в стороны и упали на серый асфальт проулка.

– Плохие новости?

Я невольно дернулся как преступник, пойманный на месте преступления. Но потом определил ненужного свидетеля и расслабился.

– Что вам нужно? – спросил я.

Рука тем временем скрытно залезла в пустой карман.

– Меня зовут Мадлен Пихаевич.

– Поздравляю.

Я не хотел знакомиться. У меня были дела.

– Вы не хотите туда возвращаться.

– А вы типа знаете всё и за всех?

Я сделал шаг по направлению к двери. Мои глаза вспыхнули злобой.

– Вы злитесь не на меня.

– На вас. И не только я.

– Вы о вашем приятеле?

Мы стояли в проулке за баром. И снова тень закрывала половину лица странного человека. Я продолжал злиться. А он продолжал стоять прямо передо мной. Он не хотел уходить с моего пути.

– Он прислал меня за вами.

– Кто? Валера?

– Определённо нет. Меня прислал наш хозяин.

Неожиданно. Я вроде как оставил позади всю ту херню, что мне пытались впарить в мягком свете проектора. Я отказался. Я ушёл. Однако тот человек видимо не смог успокоиться.

– Я ухожу!

– Нет.

Некий Мадлен Пихаевич схватил меня за рукав. И тут под другим углом зрения и в чуть-чуть ином освещении я разглядел черты его лица. Впрочем, лица не было. Была только маска.

Тонкая полупрозрачная пленка, создающая мираж. Внезапное желание потребовало её сорвать. Но чужой враждебный крик меня остановил:

– Стоять! Руки за голову!

Удивление.

– В чем дело? – спрашивал я, пока мне в лицо светили фонарем.

– Вы мешаете расследованию. Вам приказано убраться из этого проулка.

– Расследование?

Мне не ответили. Вместо ответа я получил удар в живот. И сразу стало хорошо, дефицит информации перестал меня волновать...

Меня согнуло пополам. Я оперся левой рукой о кирпичную стену, чтобы не упасть. Я с трудом дышал. Слюна стекала из угла рта и падала вниз.

– Зачем?

Харкаясь на асфальт, я слышал избыточно возбужденные голоса женщин, произносившие свысока свои пояснения.

– Для профилактики.

– Чтобы знал в следующий раз.

Вот так до меня добралась полиция. Однако пришли они отнюдь не по мою душу. Им были нужны все.

– Это неправильно.

– А вы ещё кто?

– Тоже желаете получить?

Теперь дошла очередь и до назойливого прихвостня Мадлена. И как самый настоящий эгоист в тот самый миг я отчаянно мечтал увидеть, как и ему достанется от вездесущего правосудия. И именно поэтому я собрал остатки воли в кулак, оторвал взгляд от земли и устремил его на негодяев.

– Отвечайте!

– У меня иммунитет.

О, боже! Меня постигло вселенское негодование. Я хотел крови, а не прощения.

– А этот говорливый хрен с вами или как?

– Да.

– Тогда предлагаю вам побыстрее убратся. В здании засели опасные террористы. И мы не собираемся с ними церемониться.

С Мадленом Пихаевичем разговаривала высокая громоздкая дама. Её короткие спутанные волосы прикрывала фуражка с блестящим козырьком. На выпирающей далеко вперёд груди был прицеплен большой блестящий полицейский жетон треугольной формы. На блестящем поясе висела увесистая резиновая дубинка. Как раз такой я и получил под дых.

– Понятно изъясняюсь?

Для пушей убедительности дама топнула ногой, обутой в чёрные с лакированным блеском галифе.

– Понятно.

Слуга не собирался спорить. Тем более что его собеседница привела в тёмный проулок семерых подруг в самой серьёзной экипировке. И некоторые из них уже начали выбивать игрекромосомно закодированную дверь огромным тараном.

– Вон!

Но я был другого мнения. И мне как раз полегчало. Я выпрямился, оценил ситуацию. Вариантов было немного.

– Эй вы, шалавы ебаные! Сейчас всех разьебу как тузик грелку!

Схватив первый попавшийся камень с асфальта у себя под ногами, я бросил наугад.

– Тук!

Камень мгновенно долетел до случайно выбранной цели, стукнулся о металлический шлем, отскочил, упал...

Ещё секунда и на землю упал нацеленный на дверь таран.

Нет, я не смог нанести большого физического урона хоть кому-то из полицейских. Выбранный мной камень был слишком мал для такого шедеврального поступка. А вот разозлить и так недовольных жизнью женщин он определённо смог.

– Нет, нет, нет...

Мадлен Пихаевич пытался по-своему исправить ситуацию. Но он не мог. Женщины забыли про дверь, забыли про таран. Им стали неинтересны террористы. Они оттолкнули нелепого защитника в сторону и направились к главному врагу.

– Вы арестованы...

Я ждал ещё одного удара под дых. Это было вполне логично и последовательно. Но его не было.

– Вы можете сохранять молчание...

Лишь огромные руки с толстыми пальцами схватили и скрутили мое хрупкое тело. На запястьях, вывернутых за спину, защелкнулись металлические браслеты.

– Всё, сказанное вами, может и будет использоваться против вас...

– Шагай уже!..

Меня резко подтолкнули к движению. Злые женщины повели меня к большому чёрному автомобилю с надписью «ПОЛИЦИЯ СПИНТАУНА», и толстые пальцы сжимали мои шейные позвонки, заставляли преклоняться, сгибаясь в пояснице. А полный ненависти и презрения голос продолжал подгонять:

– Шагай, шагай, тварь!..

Превозмогая боль, я смог увидеть лицо Мадлена в тот момент, когда меня проводили мимо него. В них застыли удивление и беспомощность. И он не двигался. Он только лишь стоял там, немного в стороне, и тупо наблюдал точно так же, как кинозрители ждут неотвратимой развязки в конце насыщенного действием фильма.

Одного короткого взгляда в этом направлении стало достаточно, чтобы понять и принять его бессилие.

– И никакого тебе иммунитета, падла! – продолжал кричать мне в ухо злобный женский голос.

Мы почти дошли до фургона. Оставалось метров пять. Совсем чуть-чуть. А потом...

Бум!!!

Сначала меня ослепил очень яркий свет, чуть погодя в ушах раздался оглушающий грохот. И напоследок сила, многократно превосходящая громадные руки и толстые пальцы, отбросила меня назад.

Я отключился.

Когда в моем сознании снова появился свет, я обнаружил себя в незавидном положении.

– Что?!.. Что случилось?

Я попытался приподняться. В этот момент мимо пробежала одна из работниц полиции. На мгновение она установилась подле меня, посмотрела сверху вниз. Глаз я не увидел. На ней были большие чёрные очки, в которых дьявольским огнём отражались огоньки пылающих останков фургона. Зато были видны её толстые напояженные губы. Они изогнулись в смачной гневно-презрительной издевке. А потом она рванула дальше.

– Сука..., – негромко бросил я ей вслед.

Я сделал попытку встать. Со сцепленными за спиной руками повернуть такое было практически невозможно. Но я всё равно попытался.

Минуты через три яростных стараний мне удалось опереться на колено. А тем временем вокруг меня либо горели либо тлели остатки былого. Я смог заметить один фрагмент туловища, три руки и две ноги, что валялись то тут, то там и зловеще сочились тёмной кровью. Другие женщины – живые и взбешённые пуще прежнего – бежали туда-сюда и создавали дополнительную панику.

– Первый, первый, я – второй!..

– У нас ситуация три-четыре-ноль!

– Вызовите подкрепление!

– Лиличка умерла!

В дыму и во всей этой суматохе я оглядел себя. Мне тоже досталось. Дизайнерская одежда была теперь уже не к черту. Местами выгорела, местами порвалась.

– Освободите меня! – крикнул я двум пробегающим мимо дамочкам.

Они махнули на меня рукой. У них были куда более важные дела.

– Освободите!.. – я всё же пытался надеяться на их благоразумие

Мой крик перекрыла пронзительно прозвучавшая автоматная очередь.

Две бежавшие от меня женщины тотчас упали навзничь. Их пробитые черепа и грудные клетки выдали новые лужи крови. И это заставило всех прочих остановиться, перестать кричать и мельтешить.

В проулке не было возможностей спрятаться. Можно было лишь броситься на асфальт или надеяться на прочность жилетов и шлемов, если они были.

Прошла минута безмолвного оцепенения. Всю эту короткую единицу времени я потратил впустую. Хлопал глазами, на что-то надеялся. В этом я мало чем отличился от служителей полиции.

Их осталось четверо: трое стояли подобно истуканам в замерших позах, одна лежала на асфальте, накрыв голову руками.

Я мог бы радоваться. Я лицезрел очередное фиаско полицейского самодурства. Только вот мое положение также было незавидным. Ненароком обожженная тыльная поверхность правой ладони дьявольски зудела...

Между тем минута временного затишья прошла. И издали послышался нарастающий вой моторов.

– Эй, вы, сделайте уже что-нибудь! – бросил я женщинам в полицейской форме.

Меня пугала приближающаяся неизвестность.

Они не откликнулись.

– Помогите мне!

Я продолжал к ним обращаться, так как не было в моем распоряжении иных средств и инструментов. Были только они – парализованные ужасом и страхом.

Естественно, я вспомнил про Мадлена Пихаевича, но его и след простыл. Не было видно ни его, ни фрагментов его вредной персоны. Был я, скованный цепью, четыре испуганных женщины и догорающий фургон.

Наконец рёв моторов достиг своего апогея. Раздался визг шин по асфальту и по другую сторону от затихающего пламени остановились три громадных мотоцикла. Их полированные детали зловеще поблёскивали в условиях полутьмы.

– Сдавайтесь, подлые твари! Или же вы будете уничтожены!

Громкий басовый голос раздался в глухом проулке за баром. Но принадлежал он вовсе не тем трём мужчинам, что только что припарковала свои мотоциклы, встали ногами на асфальт и направились в мою сторону.

Этот голос принадлежал кому-то другому. И прилетел он оттуда же, откуда прежде прилетела автоматная очередь.

– Эй, эй... Сделайте что-нибудь. Вы же полиция...

Я не знал, к чему готовиться. Я не знал чужих мотивов. А декоративные цепи и металлические накладки выглядели угрожающе на чёрной кожаной одежде и массивных сапогах. Поэтому я немного запаниковал.

– Давайте же, – попросил мой сбившийся голос.

Но женщины в касках и жилетах не пикнули и не шелохнулись, чтобы помочь мне или хотя бы себе.

Напрасно.

– Пах! Пах! Пах! Пах!

Четыре точных выстрела в череп полностью ликвидировали полицию в проулке. И даже прочные защитные шлемы не помогли. Калибр был не тот.

– Зачем? – задал я вопрос, стоя на колене.

Я видел вокруг себя новые трупы. Я думал о том, что могу стать следующим.

– Не твоего ума дело.

На меня с серьёзным видом смотрели трое лохматых мужчин с огромными чёрными бородами. Они тогда уже приблизились вплотную.

– Мы забираем тебя с собой, – сказал один из них.

– Нет...

Но то было не предложение, лишь констатация факта. Так что без каких-либо промедлений двое прочих мужчин схватили меня за плечи и бесцеремонно поволокли в некоем направлении.

– Куда?... – пытался бормотать я между делом.

– Заткнись, – резко и недовольно отвечали мне.

И продолжали тащить. Трём бородатым мужчинам не было дела до моих чувств. Да и мое удобство их точно не заботило. В связи с этим браслеты на запястьях стали всё сильнее впиваться в плоть. А ещё и носки дорогой обуви цепляли всякий никчемный мусор. По большей части то были оплавленные части какого-то оборудования, которым, по всей видимости, был доверху напичкан подорванный полицейский фургон. Либо это были разбросанные кишки. На вид особой разницы не ощущалось.

– А это ещё что за херня?!

На этой реплике мы остановились. Стало ясно, что меня дотащили до некоей промежуточной цели. Мой взгляд уловил проезжую часть и три мотоцикла.

– И что дальше? – раздался мой вопрос, – Увезёте меня?

Мое предположение было вполне резонным.

Да только вот в логичных планах грядущего будущего возникла внезапная проблема. И теперь один из троих, точнее тот, кто приказывал, спешно осматривал ненадолго оставленный припаркованный транспорт.

– Какой идиот это придумал?

Его подручные тем временем всё ещё удерживали меня за плечи. Они ждали приказов. Но их начальник и предводитель предпочёл сначала смачно плюнуть в сторону, злостно пнуть один из мотоциклов и посмотреть на меня с полным разочарования выражением лица.

– У нас с тобой большие неприятности, приятель.

Только вот мы с ним не были приятелями.

– Да ну? – устало усмехнулся я.

Однако углубляться в детали своего негодования я не стал. Себе дороже бы вышло.

– Бросьте его и помогите мне.

– А что случилось, шеф?

– Кажется, нас заблокировали.

– Это как?

– Мне тоже хочется знать ответ на этот вопрос.

Так я снова оказался в полусидящем положении на голом асфальте. А трое бородачей занялись другим делом: схватились всеми своими руками за один из мотоциклов и начали шатать его из стороны в сторону.

Безрезультатно.

– Бессмысленно, – бросил я им, осознав суть проблемы.

Троица неохотно оставила в покое непоколебимый мотоцикл и перевела своё внимание на меня.

– Это почему же?

– Новая технология. Разработана в моей компании. Сверхнадёжна.

– Но что-то же сделать можно?

– Можно. На щипцах захвата должен быть выгравирован телефон сервисной службы.

Трое мужчин задумчиво переглянулись.

И тут совсем не к месту вдали завывла полицейская сирена.

– Торопитесь, – посоветовал я.

Главный из троих в данном случае пренебрёг своей гордостью и оценил важность момента. Он присел на корточки и начал искать жизненно необходимые цифры.

– Нашёл, – очень быстро послышалось от него.

А затем были звуки нажатия кнопок на мобильном телефоне.

– Алло! Вы меня слышите?!

– Если вы хотите получить сведения о новых тарифах...

Меня лично всегда напрягали телефоны, которые позволяли всей округе слышать секреты личного общения. Но в этот раз данная особенность пошло на пользу. Дефицит информации и так был велик, а так я хоть что-то понимал из происходящего.

– ... или дождитесь оператора.

Бородатый предводитель ждал. В телефоне играла музыка. А полицейские сирены тем временем приближались.

– Давайте же уже..., настаивал голос человека, державшего в руке телефон.

– Здравствуйте.

– Наконец-то!

– Чем могу Вам помочь?

– Освободите от вашей херни мой мотоцикл, а также мотоциклы моих друзей!

– Как я могу к Вам обращаться?

– МС Хелпер.

– Господин МС Хелпер, Вам нужно выслать на наш электронный адрес фотокопию вашего письменного обращения в нашу компанию.

– Зачем?

– Таковы правила.

– И что потом? Вы освободите мотоцикл?

– Ваша заявка будет рассмотрена нашими специалистами в максимально короткие сроки.

На этом месте телефонных переговоров лицо бородатого предводителя кардинально помрачнело. Он не стал добавлять ничего к уже сказанному. Он повесил трубку. Он задумался.

– Шеф, полиция уже близко.

Его подельники стояли с ним рядом, и они уже основательно волновались.

МС Хелпер посмотрел в глаза одному, второму...

– Знаю, – сказал он им.

Потом он бросил взгляд в мою сторону. И тогда я понял, что этому человеку недостаточно разумного объяснения необходимости бросить на произвол судьбы любимое транспортное средство. Ему нужно было нечто большее.

– Я видел, там валялась нога. Принесите её сюда.

Один из двух подельников тотчас метнулся выполнять полученное задание. Чуть погодя он вернулся с ногой.

– Вот, шеф.

– Спасибо.

МС Хелпер сунул телефон в задний карман кожаных штанов, а сам схватился обеими руками за оторванную кровоточащую ногу. Бородач сделал четыре шага в сторону и тогда

он оказался на той части проезжей части, что была свободна от мотоциклов и в то же время не пересекалась с траекторией проезжающих мимо автомобилей.

– Хотите заявления? – бормотал себе под нос этот человек, – Сейчас вы его получите...

Дальше пришло время действия. МС Хелпер приложил кровоточащий конец ноги к асфальту, затем начал водить им туда-сюда...

Всё закончилось быстро. Вскоре нога была отброшена в сторону, а в руке бородатого предводителя снова появился телефон.

– Чик.

Это он сделал фото.

– И отправить, – возвестил МС Хелпер.

Я немного приподнялся, желая улучшить обзор.

Получилось.

«ВЫ – ПИДАРАСЫ!!!» – вот что читалось на размалеванном кровью асфальте.

Глава четвёртая

Продуктивного диалога с сервисной службой не сложилось. А потому трём бородачам пришлось в срочном порядке спастись бегством от полиции. Меня они не бросили. Прихватили с собой.

Конечно, я так и не понял при чем тут я. Но особо выбирать не приходилось. Меня снова тащили за плечи, вспахивая улицу носками дорогой обуви.

– Туда, туда...

МС Хелпер бежал впереди, периодически останавливался и недовольно подгонял товарищей:

– Быстрее!..

Мы быстро пересекли проезжую часть, заставив ударить по тормозам троих водителей.

Один из них – толстый лысый мужик – высунулся в окно и попытался высказать своё унылое мнение:

– Это неправильно...

– На хуй пошёл!

Коротко и ясно.

Ещё были две пожилых дамочки. Каждая из них едва не наехала мне на ногу колесом миниатюрной колываги. В одном случае цвет автомобиля был бардовым, в другом – салатным.

Обе не сказали в адрес удаляющейся процессии ни единого слова. Лишь проводили взглядом, а потом медленно двинулись с места.

Оставив проезжую часть за спиной, мы оказались перед запёртым входом магазина «ВСЁ ЗА СТО». МС Хелпер как минимум минуту пространно пялился на вывеску «ЗАКРЫТО» и перебирал звенья цепи у себя на поясе подобно ритуальным чёткам.

– Может вам стоит сдать? – предложил я, наблюдая над этим поиском выхода из критической ситуации.

– А ты так хочешь в тюрьму?

Неожиданно.

Предводитель бородачей резко развернулся, но обратился он не к подручным. Он обратился ко мне.

– Это из-за тебя мы в этой жопе.

Неожиданное обвинение кольнуло мне прямо в сердце. И мозг естественно попытался найти этому обоснование.

– Я? Причём тут я?

Но меня не слушали. В меня лишь бросали обвинения.

Взгляд МС Хелпера мгновенно переключился на другие цели, едва был достигнут необходимый эмоциональный отклик на моем лице.

– Нам нужно двигаться быстрее.

Замечание было уместным, так как полицейская сирена теперь звучала за ближайшим перекрёстком. Но был и человеческий фактор.

– Шеф, мы устали.

– Чертовы дармоеды! Я – великий и ужасный МС Хелпер. И у меня великие дела. А вы меня тормозите.

– Мы...

– Скорее!.. Быстрее!.. Живее!..

Главный бородач не дал дополнительной возможности слова тем, кто должен был выполнять его приказы. Его размашистые, похожие на прыжки шаги в мгновение ока пронесли его

мимо моего носа и перебросили через живую изгородь полуметровой высоты справа от запертого на ночь магазинчика.

Выглядело впечатляюще.

Два человека, ответственных за доставку моего тела в неизвестном направлении, переглянулись. Возможно, им очень хотелось оспорить решение вожака. Однако в полукилометре вверх по улице на проезжую часть резко вынесло автомобиль с включённой мигалкой. И это исключило из уравнения все житейские противоречия.

Без слов, с телепатически выверенной синхронностью они взяли меня за ноги, за руки, немного пронесли на весу и ловко перемахнули мое тело через живую изгородь.

Ловко – это характеристика их положения. Мне же ловкости не досталось. Я плюхнулся на не так давно подстриженный газон, и что-то неприятное вонзилось мне под ребро. Кажется, это был маленький камешек. А ещё наручники за спиной совсем не доставляли удобства.

– А можно поаккуратнее? – произнёс я, раздраженно вздыхая.

– Заткнись.

Они быстро оказались рядом.

А впереди, в метрах ста, не разбирая пути и препятствий в виде арматуры детской игровой площадки, бежал МС Хелпер, мистически выкрикивая:

– За мной, олухи!

В какой-то момент он споткнулся, но не упал, замедлился на полсекунды, крикнул:

– Меня ведёт Вселенная! – и побежал дальше.

Те двое, что обязательствами были приквартированы к моей персоне, переглянулись. Я лежал на боку и видел в их глазах удивление, смущение, а также большой-большой вопрос:

«Зачем нам это нужно?»

И они несомненно не испытали бы крайних мук совести, если бы в тот момент пошли на поводу у страстного желания сбежать с поля боя. Однако судьба не позволила им так поступить, не сделала их дезертирами.

А я так надеялся...

Тогда я верил, что все мои проблемы заключены лишь в этих двух бородатых мужчинах. Не будет их – не будет проблем.

Но совсем рядом позади нас резко затормозил автомобиль. Из него мгновенно выскочили люди. Мы их не видели, но мы слышали их злобные женские голоса. Они кричали:

– Эти уроды где-то рядом! Я чувствую их мерзкую вонь!

– Найдите их!

– Я вырву им яйца и заставлю сожрать!

– Ищите, ищите!..

К такому гостеприимству мои пленители не были готовы ни в коем разе. А потому они предпочли гарантированную синицу, а не журавля в небе. Они резво подняли меня с травы, снова взяли за руки, за ноги и помчались вслед за МС Хелпером, который только что скрылся за углом девятиэтажного дома.

Да, теперь меня несли, а не волокли за собой. Ленивая и неуверенная волокита осталась в прошлом. Страх взбешённых и разъярённых женщин заставил двух мужчин сделать невозможное.

И мы в мгновение ока догнали МС Хелпера.

Оказавшись за углом девятиэтажки, он далеко не убежал. Он остановился. И, кажется, он думал...

Его немного потерянный взгляд медленно скользил то по палисаднику, то по детской песочнице, то по стенам ближайших зданий...

– Шеф, полиция...

– Не ссы, Шум. Сейчас всё будет.

Он пообещал это тому, человеку, что держал мои руки. Но прошла ещё одна медитативная минута. Неподальёку прибавилось женских криков и полицейских сирен. А в рамках ближайшей диспозиции так ничего и не произошло.

– Мы...

– Но...

– Не мешайте. Я считаю.

В принципе прошло не так много времени с начала всей этой истории приключений в проулке, но я уже от неё сильно устал и ощущал её как сущее наказание. Подвешенный подобно жареному поросёнку за ноги и за руки (точнее всё-таки за плечи, потому как никто всё ещё не удосужился освободить мои запястья из наручников) я смотрел снизу вверх и злился.

– Да ты, блядь, у нас гребаный математик. Лейбниц прям-таки, ебать его за ногу...

Моя злость хотела выплеснуться. Но те, кто был рядом, являлись чуждыми моим поползновениям. Они думали о своём. О преследующей нас полиции, о математических формулах...

– Два... Это значит дом номер два...

МС Хелпер наконец-то сдвинулся с места. Он шёл вдоль дома, выглядывая нечто жизненно необходимое. Все прочие в этот раз не стали ничего спрашивать. Они просто понесли меня вслед за ним.

– Да!..

На бородатом лице внезапно разыгралась улыбка. Я проследил за его взглядом. МС Хелпер смотрел на табличку нумерации дома. В данном случае имел место рисунок «два».

– За мной!..

МС Хелпер ускорился. Мы тоже.

Да и полиция не дремала.

– Внимание! Вы окружены! Сопротивление бесполезно! Сдавайтесь!

Женские угрозы теперь сыпались на округу через мощный матюгальник.

Тем временем наша компания подбежала к двери подъезда. В этом доме он был всего один. Эдакий пережиток прошлого...

– Шесть...

Бородатый вожак продолжал считать.

– Нам на шестой этаж.

– Вы уверены, шеф? – действительно поинтересовался тот, что держал мои ноги.

– Заткнись, Жбан, и делай как велено.

Держащий ноги не дрогнул. Промолчал.

Новый вопрос задал ответственный за руки:

– Но эта чугунная дверь заперта. Как нам попасть внутрь?

МС Хелпер громко и звонко рассмеялся. Совсем не подстать его маргинальным манерам, совсем не подстать ситуации.

– Вы – грязные подлые ублюдки! Сдавайтесь или вас ждёт долгая мучительная жизнь без секса!

Полиция продолжала визжать на всю округу.

А МС Хелпер продолжал радоваться жизни.

– Раз, два, три... – он последовательно нажал на три кнопки.

Дверь щелкнула и медленно подалась вперёд.

МС Хелпер повернулся к тем, кто в нем сомневался. С его бородатого лица так и не исчезла загадочная улыбка.

– В каждом доме один и тот же код. Тупые бабы не способны придумать нечто новое.

– Наверное...

– Гениально...

Сомнения были повержены.

– Шестой этаж, – определил МС Хелпер и распахнул дверь.

Он вбежал внутрь, в тёмный невзрачный подъезд. Меня занесли следом.

– Скорее закрывайте! – потребовал он.

Тот, что держал мои ноги (мне он запомнился как Жбан) разжал свои руки и схватился за дверь. Каблуки моих дорогих ботинок глухо стукнулись о бетонный пол.

– У вас остался последний шанс сдать или...

Дверь захлопнулась. Голос полиции перестал быть слышимым. Одно «но»... стало темнее прежнего. И никакой лампочки доступной для включения почему-то не было. Хотя...

Под ногами бородатых мужчин что-то хрустело. И я тут же предположил, что некогда и лампочка и освещение всё же были. И местные жильцы вовсе не любили пробираться в потёмках домой и из дома подобно слепым кротам. Свет здесь был, но не сегодня. В этот час, в эту минуту его не было. Была темнота.

– Тут ступеньки. За мной. Тащите его.

МС Хелпер не был видимым объектом, однако продолжал руководить. Его тяжелые шаги по бетонным ступенькам были для всех остальных путеводным сигналом.

– А как же лифт? – внезапная мысль заставила меня подать голос.

– Хер тут, а не лифт, – зло ответил МС Хелпер, – Нет тут никакого лифта.

Была короткая пауза. Потом:

– Тащите...

Жбан не был мастером чрезвычайных способностей. Отпустить мои ноги он отпустил, а схватить обратно... С этим у него возникла проблема.

– Давайте уже, пока не нарисовалась какая-нибудь бабулька и не позвонила куда следует...

По голосу предводителя бородачей чувствовалось отсутствие восторга от происходящего. Но я не забывал про его улыбку, про его странный азарт. И эта амбивалентность меня интриговала.

Правда, недолго.

Удерживавший мои плечи человек по имени Шум (вы его тоже помните) в конце концов принял на себя ношу действовать единолично, а не ждать того счастливого момента, когда его напарник вдоволь наиграется в жмурки в темноте подъезда.

– Цок, цок, цок...

Теперь мои каблуки оттачивали свой музыкальный ритм, пока Шум тащил меня вверх по лестнице.

Через некоторое количество пролетов, точнее на четвёртом этаже, мы всё же добрались до света. Конечно, его было не ахти как много – всего лишь одна тусклая лампочка на весь этаж. Но нам большего и не нужно было. Мы четверо теперь видели лица друг друга, и этого было достаточно.

– Дальше, дальше... Не останавливаемся!..

– Может...

Наверное, Шум в этот миг пытался предложить короткий перекур. Он тяжело дышал после движения вверх со мной наперевес. Однако его реплика была оборвана на втором слове резким металлическим щелчком и криками:

– Нужно проверить это здание! И то следующее! Мы перероем всю округу!

Всё это доносилось с первого этажа. Мы были на четвёртом.

– Живее, живее..., – МС Хелпер более не кричал, он шептал, – Нам нужно на шестой этаж.

– А может лучше сдать? – предположил я.

Идея показалась мне логичной. Ведь я ничего особо плохого не совершил. К тому же я всё равно был пленником. И так и эдак не в плюсе.

– Серьёзно?

Улыбка МС Хелпера стала вычурно кривой.

– К бабам захотелось?

– Нет, нет...

Я оправдывался. Но зачем?

– Вперёд. Осталось немного.

Делая себя примером для подражания, МС Хелпер сгорбился и на цыпочках запрыгал по ступенькам вверх.

Жбан снова взял меня за ноги. Теперь он мог их видеть, а значит, имел возможность перестать отлынивать.

– Да, да..., – поблагодарил его Шум, – Нам не нужно, чтобы его каблуки продолжали стучать.

Хотя кого он обманывал?

Испарина на его лбу давала прозрачный намёк на ломоту в костях и мышцах поясницы. Однако марка есть марка. Её нужно поддерживать.

– Окей, ребята, – с тихой обречённостью произнёс я, когда меня снова приняли за мешок с картошкой и металлические браслеты наручников ещё более впелись в мои запястья.

– Молчи...

– Молчи...

На этот раз процесс затянулся. Мои похитители сохраняли крайнюю осторожность. Они вели себя очень тихо, ступали еле дыша...

И всё это происходило невыносимо долго.

А тем временем внизу (на первых этажах) происходил активный розыск беглецов.

– Откройте!

– Никто не открывает.

– Стучите! Выламывайте двери!

– Но как же правила?

– Плевать на правила! Найдите этих уродов!

Я слушал это. Ничего другого мне не оставалось до тех пор, пока мы не оказались на шестом этаже.

– Вот оно! – радостным шепотом воскликнул МС Хелпер, – Я же говорил.

– Шеф?

– Говорили?..

Бородатые подельники снова недоумевали, однако покорно продолжали держать меня на весу и следить за указательным пальцем главаря.

– Двадцать шесть!

Палец указывал на дверь квартиры с этим номером. Дверь была приоткрыта на ширину ступни.

– Но как?

Они не поняли. Но им и не нужно было. За них привык думать МС Хелпер. В этот миг я понял суть его имени. А потом раздался новый крик снизу. На этот раз его усиливал прежде уже использованный громкоговоритель.

– Жители этого дома! – звук буквально прошиб барабанные перепонки.

Да что там говорить. От такого звукоусиления даже стены начали изрядно вибрировать.

– Просыпайтесь! Открывайте двери! Делайте всё, чтобы враги нашего общества, то бишь блядские террористы, ответили за содеянное перед нашим великодушным законом!..

Можно было продолжать слушать, но те, кто убежал, решили за себя и за меня, что лучшим вариантом будет скрыться в спасительной квартире.

– Щёлк.

Это так дверь захлопнулась за спинами мужчин.

– Отлично! – порадовался МС Хелпер.

Он больше не шептал. Он говорил громко и отчётливо. В эту минуту он не боялся, что за толстой и прочной дверью его услышат злобные и тупые женщины в форме.

У него получилось.

– У меня получилось!

МС Хелпер был готов плясать от счастья. Но были и другие задачи.

– Шеф, а дальше-то что?

Эго бородатого главаря недолго пребывало в глубокой блаженной эйфории. Одним простым вопросом оно было выдернуто обратно к скупой реальности.

МС Хелпер огляделся.

– Вижу, не в царские хоромы мы попали...

Небольшая прихожая, короткий коридор, ход в комнату, дверь в ванную, ход на кухню.

– Ну да ладно...

Он почесал затылок.

– Тащите наш трофей на кухню.

– Э, э...

– Заткнись.

Да, мое мнение абсолютно не учитывалось.

– Так, так, так... Тащите. Туда куда-нибудь.

Двое с великим трудом разминулись с узким коридором, а затем усадили меня на простой деревянный табурет рядом с кухонным окном. Мой зад глухо плюхнулся на дерево, сзади зазвела батарея от удара браслетами наручников. Усадили и забыли. У них ведь были вопросы. Про мои же вопросы никто не подумал.

– Шеф, а чья это халупа?

– Понятия не имею.

МС Хелпер немного постоял в прихожей, погладил тыльной поверхностью ладони синеголубые обои.

– Интересная аура, – сказал он.

Его созерцательный взгляд плавно скользнул к потолку. Там не было ничего важного. Потом вперёд, в комнату. Он сделал шаг. В комнате было мало света. Окно закрывали плотные шторы. В углу слева на стене висел небольшой светильник. Три маленьких лампочки давали красный свет. И этого было достаточно, чтобы увидеть кровать и множество книг, что высокими стопками располагались тут и там прямо на полу.

Главаря окрикнули.

– Шеф, тут компьютер!

– Сейчас.

Он медленно выполз из комнаты, будто некое соблазняющее притяжение пыталось удержать его среди книг и отблесков красного света.

– Есть там что?

Жбан, которому теперь не приходилось удерживать чужие ноги, спешно пытался включить ноутбук, лежавший на кухонном столе. Но ноутбук не ноги. Здесь нужно было думать головой.

– Дай я! – потребовал его напарник.

У него получилось лучше. Впрочем, не намного. Всплывшее табло «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ» нивелировало мнимый успех до нуля.

Однако...

– Попробуй «один, два, три», – предложил подоспевший начальник.

– Раз, два, три...

Кнопки были нажаты. Но впустую.

– Черт! – выругался МС Хелпер.

– Не повезло...

– Значит, вовсе не тупая пизда владеет этим компом.

Три бородатых мужчины со злобой и досадой одновременно захлопнули крышку ноутбука, а потом уставились на меня.

– Теперь ты...

– Может, оставим его?

– И уйдём по крышам?

Главарь поджал губы. Мысли в его голове утверждали, что доводы благоразумны. Но нечто всё ещё мешало трезво мыслить и правильно оценивать. Это было отчётливо видно в изгибе бровей и продольных складках на лбу.

Все ждали.

Я, оставленный на табурете и припертый к кухонной батарее.

Шум, который так и продолжал держать руку на закрытом ноутбуке.

Жбан, прислонившийся спиной к громко урчащему холодильнику.

И, конечно же, сам главарь беглецов, что тоже ждал от себя некоего свершения – интеллектуального катарсиса как результата вращения мозговых извилин.

– В туалет мне бы надо...

Все ждали чего-то умного. Но получили то, что получили.

МС Хелпер развернулся, дошагал до двери в ванную, щелкнул выключатель и дёрнул дверь на себя.

– Я сейчас... быстро...

Потом он замер.

Повисла долгая пронзительная тишина.

Все прочие тоже молчали. И только отдаленный звук турбулентного течения воды по водопроводным трубам давал уверенность в том, что мир не перенесся в фантазию немого кино.

Я смотрел на МС Хелпера. Ещё двое тоже смотрели на него. И хотя он стоял к нам боком, все мы видели невероятное вращение яблок его выпученных глаз.

– Ты ещё кто?!

Прежде главарь был весел, задумчив, азартен, придиричив, беззаботен... Но злым он не был ни разу. До этих самых пор.

– Ах ты, падла!!! – раздался его громкий озлобленный крик.

На мгновение он нырнул в ванную, а вынырнул уже не один. Его огромная мясистая рука сжимала хрупкую женскую шею и заставляла её хозяйку сгибаться в три погибели.

– Кто ты такая?! Шпионка?!

– У-а-у...

В руках МС Хелпера оказалась худая девушка в возрасте восемнадцати-двадцати лет. Одежды на ней не было. Только некие изорванные и окровавленные лохмотья. Тело, лицо, руки, ноги – всё это было в синяках, порезах, царапинах, ссадинах. Во рту торчал голубоватый кусок ткани. Руки были привязаны к торсу белой веревкой средней толщины.

– Не отвечаешь?! Не хочешь отвечать по-человечески?!

Главный бородач изо всех сил тряс это истерзанное человеческое существо.

Зачем?!

Я не понимал. И я не мог наблюдать за этим.

– Отставь её! – крикнул я.

Я подскочил с табурета, рванулся вперёд, не понимая куда...

Нечто тяжёлое очень больно опустилось на мой правый висок. И тогда я медленно уплыл в бездонный океан гаснущего света.

Глава пятая

– Вы же знаете, у них своя позиция...

– Ну и пусть варятся в своём дерьме. А я хочу общаться с нормальными, адекватными людьми, несущими позитивные эмоции и от которых я могу узнать нечто умное, светлое...

Холодные, пронзительные слова с толикой жалобы и завуалированной обиды. Я вернулся в осознанное состояние как раз посреди этого пафосного словоблудия.

Когда-то прежде оно, несомненно, возбудило бы мое низшее сознание. Наверное, я даже вскочил бы на ноги и стал бы брезжить слюной. Но не сегодня. Не сейчас. И возможно уже никогда. Сегодня я прежний был уже не в тему. И теперь в одно мое ухо влетали странные утверждения, в другое – вылетали.

Я многократно слышал их раньше. Но при других обстоятельствах. И потому скепсис, скепсис, скепсис...

– Что это? – спросил я.

Мой мозг сенсорно ощупывал каждую клеточку моего тела, стараясь определить источник лёгкой усталости и ломоты.

– Свежий выпуск. Прямой эфир.

Пока я спал, мир ещё сильнее сошёл с ума.

– Но что там делает он?

– Кто он?

Я попытался вспомнить. Башка трещала. Я дотронулся рукой до виска и почувствовал болезненный отек.

– Не помнишь? Видимо сильно тебе досталось.

Однако я не собирался сдаваться. Напряжение в мозгах возросло и что-то из этого получилось.

– Пётр?..

– Он – твой друг?

– Был, кажется...

Я всё ещё смотрел на экран. Там в углу справа на серебристом стуле из мягкого полированного металла сидел тот, кто совсем недавно был так робок и так яростен в своих атаках за правду.

– Когда?

Я читал бегущую строку внизу экрана.

– Когда это произошло? – мой голос немного дрожал из-за столкновения с невозможным и невероятным.

«Подпольная организация «Парнишки с умишком» была раскрыта благодаря явке с повинной одного из террористов...», – вот во что сложились пробегающие мимо глаз слова.

– Как? Что он там делает?

Всё тот же вопрос не переставал меня беспокоить.

– Присутствует. В качестве поддержки для этой стройняшки. А она выступает. Она сегодня специальный гость этой передачи.

– Этого не может быть.

– Может, милоч. Это он всех вас заложил.

И правда!

Я смотрел на телевизионный экран. Хотелось отвести глаза. Но я не мог. Недоумение не позволяло.

Там, на экране, всё было на лицо. Пётр теперь верил этим чужим словам. Он сидел недвижимо там, по другую сторону телевизионного экрана, и с открытым ртом внимал каждому слову.

– В какой гребаном мире я проснулся? – хрипло прошептал я, спуская ноги с жесткой постели и садясь.

– В нашем.

Всё это время кто-то со мной говорил.

Я посмотрел направо.

Там в округлом кресле бардового цвета с мягкой кожаной обивкой, созданном, чтобы утопать и релаксировать, сидела пожилая женщина. На вид ей было лет шестьдесят, может семьдесят. На коленях у неё сидела маленькая собачонка.

– Гав, – сказала мне животное.

Оно смотрело на меня большими тёмными глазами из-под клока рыжеватой шерсти, свисающей со лба.

– Как я сюда попал?

– А мне почему знать?

Старая морщинистая рука гладила маленького зверька по маленькой коротко стриженной спинке.

– А вы кто?

– Надежда Ильинична Петровская.

– Я вас не знаю.

– Неудивительно. А себя-то ты знаешь?

Я хотел ответить, но внезапно запнулся, задумался и ушёл от ответа. Сделал вид, что болит голова. Осторожно коснулся распухшего виска для убедительности. А потом встал.

– Где мы? – спросил я, осматривая то место, в котором оказался.

– В тюрьме, естественно. Мне казалось, это и дураку понятно.

– Давно?

– Ты – три дня, я – намного дольше.

В небольшой комнатке с выбеленными стенами и потолком не было излишеств. С одного края располагалась двухъярусная кровать, с другой – привинченный к стене телевизор с диагональю в два метра.

– Как его выключить?

Было невыносимо смотреть в глаза человеку, который не так давно просил у меня совета. Это было слишком больно, почти мучительно. Вот и хотелось погасить экран.

Но как?

– Где чертов пульт?

– Гав!

Я не понимал по-собачьи. И потому повернул вопросительное выражение лица в сторону старушки в кресле.

– А пульта нет.

Она не смотрела на меня. словно ей было плевать на мое недовольство. Она гладила собачку. И это было для неё важнее.

Заскрипел дверной замок.

– Наверное, за тобой, – молвила старушка.

Она так и не подняла глаз. Зато маленький зверёк смотрел на меня своими большими тёмными глазами авансом за обоих.

– Гав! Гав!

Дверь, расположенная на два шага правее округлого кресла, в котором безмятежно утопала старушка, резко отворилась. За ней в просвете белого света появился незванный гость.

Он потратил пару секунд, чтобы освободить связку ключей от замочной скважины. Потом ещё пару на то, чтобы сунуть связку в карман светло-синего комбинезона. Комбинезон был

избыточен на несколько размеров и поэтому болтался на худом теле подобно балахону. Так что ключи, упавшие в карман, приземлились на уровне колени.

– С добрым утром!

Гость сделал шаг вперёд, после чего оказался на десять часов по отношению к креслу, старушки и её питомцу.

– С добрым утром, милочка.

Старушка не шевельнулась и глазом не повела. Она всё так же, как и прежде, продолжала наглаживать спинку ручного зверька в немного сторбленной позе. Так что в некотором сатирическом смысле стало казаться, что происходит тщательное вычёсывание блох.

– Гав, – а вот пёсик на слова не скупился.

– Привет, Кнопка.

– Гав.

– Кнопка?

Я удивился.

– Да. Так её зовут.

Со мной говорила очень худая девушка в возрасте за двадцать. Её крупные голубые глаза были спрятаны за большими очками. Блестящие темно-каштановые волосы были собраны в хвост на затылке. На ногах у неё я обнаружил большие чёрные ботинки походного варианта.

– Вы за мной? – спросил я, изучив этот натюрморт.

– Вас вызывают к адвокату.

– Зачем?

– Чтобы поговорить.

– О чем?

– Не знаю.

Разговор не принёс исчерпывающих ответов. Как обычно. Он лишь заставил ещё больше задуматься.

– Так вы идёте?

Пристальный взгляд сквозь очки не давал мне спуску.

– Иду.

– Удачи, милочка, – сказала старушка, – Буду ждать твоего возвращения.

Я прошёл мимо старушки, прошёл мимо девушки и оказался в светлом коридоре.

В коридоре тоже не было излишеств. Всё те же выбеленные стены и потолок. Только вот серый деревянный пол был здесь заменён на красно-коричневую мраморную плитку.

Едва дверь за моей спиной оказалась запертой, мне было сказано:

– Шагай!

Я подчинился. Но было так скучно и неоригинально просто шагать по коридору в качестве конвоируемого преступника, что, в конце концов, меня пробрало на эксперименты.

– Как тебя зовут?

– Нам не положено разговаривать.

Голос девушки был глухим, сдержанным. Он был практически идентичен топоту её тяжёлых ботинок по гранитной выстилке пола. Словно она была безжизненной машиной, роботом. Однако же эта девушка вовсе не была такой, какой хотела казаться в тюремном коридоре. Ведь совсем не таким убиенным голосом она прежде разговаривала с собачкой. В тех словах были живые чувства. В них была нежность.

– Я – Вова...

– Вы – убийца!

Неожиданно.

Я очень хотел переварить это, но коридор закончился, и меня вытолкали в следующее помещение.

– О, господин Шпендель! Какая долгожданная встреча!

Новое помещение было попросторнее прежних. Однако цветовая гамма сохранилась. Прямоугольный формат размером шестнадцать на десять метров вмещал шесть небольших столиков с белой крышкой из прессованного дерева и витыми металлическими ножками. Столики располагались в два ряда по три столика в каждом. Их положение в комнате было центрировано, так что перед ними и позади них было свободное пространство. В каждом случае это свободное пространство упиралось в широкие выдвижные двери из матового стекла.

В одну из них вошёл я, в другую – Мадлен Пихаевич.

Теперь он сидел за одним из столиков – за вторым во втором ряду. И он радостно восклицал...

– Как я рад, что с вами всё в порядке!

Однако он не встал, не предложил дружеское рукопожатие. И настоящей радости я не обнаружил на его лице. Лицо снова было спрятано под маской.

При хорошем искусственном освещении (совсем иные условия были в затенённом баре и полутемном проулке) я смог уделить внимание деталям этой маски.

Конечно, я мог ошибаться. На это были все причины. Но мне показалось, что маска стала другой.

– Новая маска? – спросил я, усаживаясь на стул напротив Мадлена Пихаевича.

Он не приглашал меня присесть. И всё же я это сделал.

Мне очень хотелось увидеть потупленный взор именно в его исполнении. Но его лицо продолжало прятаться за маской.

– Да?

– Да.

– И в чем смысл?

Я спрашивал, а глаза мои тем временем цеплялись за детали...

Я помнил, что накануне маска была телесного цвета. Сегодня же она имела прозрачно-голубоватый оттенок. В остальном же всё то же самое. Тонкий-тонкий слой синтетического материала поверх кожи, в котором намертво запечатаны приветливые черты лица.

– Зачем этот маскарад?

– А вы не знаете?

– Нет.

Из человека напротив вырвался сдавленный звук. В этот момент под пластиком несомненно пряталась усмешка.

– Вы же знаете, в каком обществе мы живём...

– Знаю.

– Тогда почему спрашиваете?

– Потому что не понимаю.

Мадлен Пихаевич услышал меня. Возможно, он на мгновение зажал во лбу некую мысль. Только вот снова понять это мне не представлялось невозможным. Можно было лишь предполагать и хитро подмигивать вопросом:

– Так что?

Мадлен Пихаевич посмотрел направо, затем налево. Он опасливой осанкой убедился, что кроме нас двоих в прямоугольном помещении больше никого нет. Чуть погодя его тело немного наклонилось в мою сторону, и заговорщицкий шепот сообщил:

– Так чертовы бабы не смогут мне ничего предъявить.

Ясно.

Тело человека напротив вернулось в исходную позицию, осанка выпрямилась.

– Ясно, – произнёс я.

И мы немного помолчали. Это ощущалось нами как краткая дань уважения к правде. А потом очень резко и с прежним задором Мадлен Пихаевич продолжил прежний разговор.

– Ну да ладно, – сказал он, – Вернёмся к нашим баранам.

– Баранам?

– Так точно. Обвинения против вас весьма суровы.

– И что?

– Я могу вас отсюда вытащить.

– Да неужели...

– Все обвинения против вас будут сняты. Вам нужно только попросить.

– И что потом?

– Вы выполните пожелание нашего хозяина. Он всё ещё надеется на вас. Он уверен в ваших способностях.

– Дудки!

– Что?

– Я сказал: «Дудки!»

– Я не понимаю этого вашего лексического эксгибиционизма.

– Ну а если по-простому: «Хрен вам на рыло!»

– Уверенны?

– Совершенно.

– Тогда до встречи.

– Лучше: «Прощай навсегда!»

– А это вряд ли.

– Ну а я говорю: «Да!»

Я злился.

В противовес мне Мадлен Пихаевич оставался непостижимо спокоен. Маска скрывала его истинные чувства. Она приветливо улыбалась мне. Она желала мне счастья, удачи, здоровья... И этим злила ещё больше.

– Прощайте, – потребовал я ещё раз, желая данного абсолюта для собственного горячо искомого успокоения.

Мадлен Пихаевич медленно поднялся из-за стола. Он больше не произнёс не единого слова. Он отодвинул стул, аккуратно задвинул его обратно. Его длинные артистичные пальцы медленно и неторопливо сложили некие заранее приготовленные бумаги обратно в деловой портфель. И после этого его прямая осанка, укутанная в шикарный идеально скроенный костюм темно-синего цвета и утянутая галстуком краснозёмного цвета, величаво направилась к выходу.

Он не обернулся.

И никаких слов больше не было.

Я проводил его взглядом, а потом он исчез за дверью.

Так я остался один в комнате с выбеленными стенами, с выбеленными потолками и с белыми столиками для посетителей.

Стало тихо.

Я вслушался в эту тишину. Не было никаких звуков. Даже часы не тикали и сердце не билось. Мир словно замер на одно короткое мгновение. А затем дверь за моей спиной открылась с тихим шелестом.

– Свидание окончено, – сказал голос за спиной.

Я узнал его. Это была та самая девушка, что назвала меня убийцей.

Почему?

Я не знал ответа. Впрочем, допытываться я не собирался. Как меня только не называли в течение жизни. Зачем удивляться сегодня?

Тяжёлая поступь тяжёлых ботинок медленно приближалась к моей спине.

Наслаждаясь последней секундой уединения, я опустил глаза к белой поверхности столика. Она оказалась не полностью белой. Маленький кусочек был чёрным. И на нем была надпись: «МАДЛЕН ПИХАЕВИЧ. СЕКРЕТНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ». Это мой непризнанный адвокат оставил мне свою визитку. На всякий случай. Вдруг я передумаю.

– Пошли! – сказала девушка и грубо дернула за локоть.

Я встал и с безразличным выражением лица пошёл к двери. Визитка осталась лежать на столике за моей спиной.

– Вижу, адвокат тебе не помог.

Я не смотрел на конвоировавшую меня девушку, но в голове я всё равно видел её новый образ. Этот образ уже не был ни милым, ни привлекательным. Он был злым, завистливым, мелочным...

Таким его сделало жестокое женское:

– Ха-ха-ха...

– Рад, что тебе весело.

– Иди уже...

Она меня толкнула. Затем ещё и ещё... Так продолжалось, пока она наконец не вытолкала меня за дверь.

Я думал, что снова окажусь в коридоре с выбеленными стенами и выбеленным потолком. Мне казалось, что меня снова ждёт небольшая комнатка с кроватью и телевизором, со старушкой и её милой собачонкой.

Однако вышло совсем не так.

Желтый?

– Не останавливайся! Шагай!

Девушка в светло-синей униформе знала, что растерян и потерян. Мои планы пошли по пизде. И её это забавляло.

Желтые стены. Желтый потолок. Желтый свет. Желтая плитка под ногами. И желтая деревянная дверь в конце коридора.

– Живее уже!

Ей было чуть больше двадцати. Но она уже была такой злой, неудовлетворённой. И главное, я не понимал: почему?

– Что я тебе сделал? – заорал я, когда мне, в конце концов, надоело, что меня всё время шпыняют.

Я же всего лишь пытался сориентироваться во времени и пространстве. Я не пытался устраивать революция. Мне было бы достаточно простого человеческого обращения.

– Почему ты меня ненавидишь? – задавая вопрос, я резко обернулся и посмотрел в надменное лицо своего конвоира.

Я хотел ответа. Я ждал полсекунды. А потом меня ошеломил бескомпромиссный удар в пах.

Я согнулся и захрипел. Не обращая внимания на мои звуки, хрупкая, но сильная женская рука схватила меня за ухо и развернула в нужном направлении.

– Шагай! – потребовала девушка в светло-синем комбинезоне, – Не трать мое время.

Что ж, пришлось подчиниться. Превозмогая острую болевую пульсацию в паху, я чудом добрался до желтой двери.

– Дзын! – раздалось за дверью.

И дверь сама собой отворилась.

На этот раз я не стал ждать ускорения извне и сам переступил через порог. Так я оказался в ещё одном новом помещении.

В этом случае не было монотонности и четких очертаний. Было лишь общее серое впечатление. Да и комнатой собственно назвать это помещение не поворачивался язык.

Скорее закуток. Скромный закуток. Слепая кишка ещё одного коридора.

Дверь за спиной закрылась со щелчком. Мы сделали несколько шагов. Я осмотрелся. Глаза наткнулись на большой металлический люк с задвижкой, что выглядывал из мозаично отстроенной кирпичной стены: были там красные, коричневые, чёрные и серые кирпичи. С двух сторон от люка были установлены металлические стеллажи серой покраски. Их полки были заставлены коробками и свертками.

– Раздевайся!

Приказ меня удивил. Я вопросительно посмотрел на девушку в светло-синем комбинезоне.

– Зачем? – спросил я.

Вместо ответа я увидел, как замахнулась рука. В ней неожиданно появился тонкий металлический прут чёрного цвета.

– Хорошо, – испуганно произнёс я, отступив на шаг от угрозы.

Происходящее было для меня в новинку. Я всё ещё надеялся на то, что скоро окажусь в мягкой уютной камере заключения и буду вести неторопливые экзистенциальные беседы с милой старушкой и её чудной собачонкой. Однако надежда таяла на глазах.

Молодая особа женского пола смотрела на меня с ненавистью и презрением. Её худые руки упирались в худые бока. А огромный чёрный ботинок на правой ноге отбивал чечетку выжидания.

– Мне ещё долго ждать или как?

Моя рука нехотя начала расстёгивать пуговицы на рубашке. Глаза всё ещё пытались поймать что-то человеческое во взгляде обозлённого человека. Они хотели верить, что такое поведение и такая ситуация на самом деле шутка или хотя бы розыгрыш.

Но нет, игра желваков на спазмированном лице продолжалась. И похоронный ритм правого ботинка не прекращался.

Я снял рубашку, ремень, брюки, остался в носках...

– Снимай всё!

Я был не против, но в других обстоятельствах. К тому же приказной тон не добавлял романтики. Но я подчинился. Я уложил все свои вещи рядом с собой на холодный бетонный пол. Затем я снова посмотрел в глаза молодой особе.

– Ты отвратителен, – раздраженно произнесла она.

Видимо ей очень хотелось что-то сказать. Да и мой ищущий объяснений взгляд требовал слов. Но получилось не очень. Это были не те слова, которые мне хотелось услышать.

– Неужели?

Мне стало смешно. Глупо, конечно, но что я мог поделаться со своим цинизмом. Женщина хотела обнажить меня и мои чувства. Женщина получила желаемое.

– И что же конкретно тебя бесит в моем теле?

Я говорил и следил за её лицом, следил за её реакцией...

– Может то, что даже вся ненависть мира не сможет затмить твоё желание подойти ближе и погладить мое тело, взять в руку мой член, встать на колени и поцеловать его с той испепеляющей гаммой чувств, что в данный момент прячется под покровом сучей обозлённости?

– Нет!!!

Я сказал, что думал. И я поплатился за это.

– Нет! Нет! Нет!

Она не смотрела. Она била, не целясь. Я же не пытался понять, старался закрыться от ударов прута руками.

Ударов было немного. Всё-таки била женщина. Она быстро устала. Но истерика не прекратилась. Были сверкающие молниями глаза, вздыбленные волосы, прыжки на месте, странная жестикуляция...

– Мразь... – вырвалось из искривлённого рта.

Злость мешала ей говорить, не позволяла подбирать нужные слова. А я следил за ней в скрюченной защитной позе и нервно гадал: что же дальше?

– Свины... И этот ваш отвратительный запах!..

Ещё мгновение и вот в её руках все мои вещи, скомканные в одно (даже дорогая красивая обувь). Она толкнула меня, подбежала к люку, сдернула задвижку, распахнула дверцу. Там внутри пылал живой огонь.

– Вот! – крикнула девушка, кидая мои вещи в огонь (даже дорогую красивую обувь).

Дверца захлопнулась, задвижка вернулась на место, девушка развернулась.

Теперь девушка была немного счастлива.

– Мыться, паскуда, – сказала она, задыхаясь от волнения, и снова замахнулась на меня прутом.

Глава шестая

Меня отмыли. Меня одели в чистую розовую робу, отглаженную до идеальных стрелок. Затем я оказался в новой комнате с новыми столиками.

– Садитесь! – приказали мне.

Немногословно.

Палец указал мне на третий столик слева. Там сидел понурый мужчина с большими пушистыми усами цвета вороного крыла. Он обедал. А может, завтракал... Все эти походы из конца в конец исчерпали все шансы следить за временем.

Большая алюминиевая ложка то и дело скребла по дну многоячеистой пластиковой тары для еды. Ложка то загребала тушеные овощи, то вылавливала кусок мелко порубленного мяса. Либо первое, либо второе то и дело отправлялось в открытый рот с кривыми желтыми зубами и там пережёвывалось с небрежным мещанским чавканьем.

Я сел напротив.

– Сиди здесь!

Это был новый приказ. Выдав его, конвоир удалился.

Я же остался. Сидел, смотрел...

Было скучно. И я спросил:

– Нормально живётся?

Мужчина едва заметно вздрогнул. Зубы пару раз сомкнулись в процессе перемалывания пищи, а затем мужчина как в замедленной съемке перевёл взгляд с ложки на меня. Он тоже нашел что спросить:

– Зачем вы создаёте сомнение?

Это был чудной вопрос. Я его не понял. И это меня испугало. Но доброта в чужих глазах не позволила мне заикнуться на глупой идее страха. Я проигнорировал страх. И я стал проговаривать всё, что приходило на ум:

– Я тут впервые...

Челюсти мужчины снова двигались.

– Произошла какая-то ошибка. Я уверен...

Полоска шинкований капусты перепрыгнула из одного угла рта в другой.

– Они называют меня убийцей. Но я этого не понимаю...

Далеко за спиной вроде как располагалась кухня. Я слышал стук ножей и звон посуды. Кран с водой то начинал шуметь, то замолкал. Что-то шипело. Что-то скворчало. Я слышал раздражённый возглас повара:

– Давай вынимай!

– Это точно ошибка...

– Быстрее! Сгорит же...

Мужчина с усами всё молчал и молчал. Он то жевал капусту, то жевал мясо, а то и вовсе чванливо причмокивал, наслаждаясь послевкусием только что употреблённого в пищу разносола.

Потом пришла и моя очередь.

– Пожалуйста!

Передо мной поставили аналогичную тару.

– Спасибо, – машинально ответил я.

Но тут же мне стало ясно, что всё совсем не то. В моей таре нельзя было обнаружить мясо и капусту. В ней были три поджаристых сырника, сметана и варенье из черноватых ягод. Возможно, это была смородина.

– А почему мне это?

Мой возмущённый голос не позволил конвоиру далеко уйти.

– Чем-то недоволен?

Женский голос был резким и сердитым. А мог бы быть добрым и ласковым.

– Это неправильно.

– Что неправильно?

– Хрень какая-то.

Я хотел рассмотреть лицо женского пола. Я хотел понять его насущные взгляды и эмоции.

Но яркая лампа на потолке мешала. Так что пришлось уткнуться в тарелку.

– Я тоже хочу мясо и капусту.

– Хотеть не вредно. Но у тебя диета.

– Какая ещё диета?

– Ты убил пятнадцать человек. Значит, твой рацион подлежит снижению ингредиентов агрессивности.

– Что?

– Подчинись!

– Не хочу.

Я едва не ударил кулаком по столу. Настолько много в тот момент во мне было злости и негодования. Но моему конвоиру было плевать. Она оставила меня наедине с обедом и усатым товарищем по несчастью, не проронив более ни словечка.

– Сука, – зло прошептал я.

Глаза пытались испепелить сырники, в ушах громким эхом звучали удаляющиеся шаги.

– Хрен с вами...

Я ткнул пластиковой вилкой в еду. Всё же я был голоден и тоже хотел жевать.

– Судя по словам этой дамочка, ты мало похож на невиновного.

Я с недовольным видом сунул в рот кусок сырника.

– Меня зовут Анфасий.

Мне нечего было ответить. К тому же во мне затаилась обида на мужика с усами. А вот его прям-таки прорвало:

– Пойдём отсюда.

Мужчина отодвинул от себя недоеденное.

– Дело есть.

– Зачем? Куда?

– У нас тут есть игровая комната.

– Ещё одна комната? Много же у вас их...

– Не капризничай.

Он встал. Его взгляд сверху вниз ждал от меня ответных действий.

– Может позже, – предположил я.

– А сейчас что? Будешь выковыривать ягодки из варенья?

Этим я и занимался.

Не дождавшись моего решения, мой собеседник вышел из-за стола и направился прочь.

– Удачи.

– Тебе тоже.

Мне казалось, отрицание поможет.

Не помогло.

Я посмотрел по сторонам. Ещё девять человек были разбросаны по столикам. Каждый что-то ел. Или пил. Я заметил одного жирдяя, что откинулся на спинку стула и, покачиваясь на задних ножках, амбициозно дегустировал кофе из маленькой глиняной чашки. На его столе стоял большой глиняный кофейник. В выражении лица этого человека не было волнения или беспокойства. Он был смиренно экзальтирован.

Но он, как и я, находился в тюрьме. Он был обязан иметь при себе что-то, похожее на переживания.

Но их не было.

Внезапно я понял, что не хочу стать этим человеком. Нежелание быть смиренным заставило меня действовать. Я отбросил вилку. Я встал из-за стола.

– Постой, – крикнул я.

Усатый обернулся.

– А что там есть?

– Шахматы и много всего прочего.

– Шахматы...

Мне показалось это интересным. Однако же мое умозрительное впечатление, соответствовавшее заданной точке пространственно-временного континуума, очень сильно рознилось с насущной реальностью. Я убедился в этом очень быстро. Для этого понадобилось лишь пересечь очередной порог.

– О, у нас новые игроки! Славно, славно...

Шагавший впереди, усатый Анфасий отошёл в сторону и из-за его спины возникла женщина. Она смотрела на меня с притянутой за уши улыбкой. Да и на остальных в помещении она смотрела точно также.

– Здравсьте.

Моя рефлекторная вежливость пришлась не к месту. Во всяком случае, так мне показалось.

– А шахматы-то где? – взбрыкнул я словом в адрес человека, приведшего меня на новую стезю.

– Так вот же они...

Анфасий развёл руками с таким тоном, словно я не понимал очевидного.

– И у нас как раз не хватало двух человек.

Старая кошелка продолжала улыбаться.

Именно старая!!!

Нет бы молодую ветром занесло. Я бы тогда возможно смог смириться с нюансами. Но не свезло.

Старая женщина смотрела на меня. Старая женщина ждала.

– Давайте уже, – требовал её слегка картавый голос, лишенный половины зубов.

– Чего?

Я не понимал, чего от меня хотят. Я видел комнату и шестнадцать мужиков, что стояли по стойке смирно в три шеренги. Про суть этого действия мне никто не донёс. Даже усатый Анфасий, обещавший чудеса, быстро слился и также быстро оказался в одной из шеренг.

– Ты... ты куда? – я попытался его окликнуть.

Но где уж там?

Он к тому моменту уже был на другом краю комнаты и прятался за чужой кучерявой башкой.

Мне естественно вся эта тема не понравилась.

Но что ещё я мог сделать?

Постарался остыть. Встал я, значит, в шеренгу, постоял с минуту, повертел головой из стороны в сторону. И чувствую, что не мое.

– Скучно у вас здесь, – говорю я тётке.

Она как раз закатила глаза к потолку и надрывно постанывала:

– Ме-ме-ме...

Тётка не ответила. Видимо была слишком увлечена дыхательным экстазом. Зато меня толкнул мой сосед по шеренге:

– Это не для веселья, – сказал он.

Его светло-зеленые глаза излучали чистое сияние доброго и светлого.

Я же смотрел на него, пытаясь выразить недоумение.

– Тогда для чего? – спросил я.

– Практикуем правильное отношение к женщинам.

– Это какое же.

– Стоическое.

– С хера ли?

Кривить лицо ещё сильнее было невозможно. Зато я мог сверлить горе-просветителя презрительным взглядом. Просверлить, конечно, не получилось, но я заметил закономерность: у этого человека тоже были пушистые чёрные усы. Такие же, как у Анфасия.

В голове поскрипели извилины, потом внезапно громко щёлкнуло умозаключение.

– Е мое... – сорвалось с моих губ.

Я смотрел на одного, второго, третьего... Семнадцать человек стояли в непоколебимой позе перед изрыгающей стоны женщиной:

– Ме-ме-ме...

И у каждого из них были чёрные пушистые усы.

Нет! У меня не двоилось в глазах. И не троилось. И других степеней приумножения тоже не было. Я точно знал, что мой знакомый Анфасий (тот, что привёл меня играть в шахматы) сбежал на другой конец комнаты. И у него были чёрные с сединой волосы. А мой теперешний сосед по шеренге был рыжим с небольшими залысынами.

Взгляд пошёл дальше. Там были блондины, полностью лысые, сильно кучерявые...

– Как зовут тебя? – спросил я того, кто был рядом.

– Анфасий.

Это был окончательный удар по здравомыслию.

Возник кратковременный транс моего сознания. А потом я поступил так, как посчитал нужным.

Эффектно. Неотразимо. Неожиданно.

Захотелось порвать шаблон.

Я стал медленно стягивать с себя одежду. В этот раз меня не просили. Но в этом и заключался прикол. Каждый элемент гардероба я постепенно откидывал в сторону, пока не оказался гол как сокол.

Решил, это точно сработает.

Должно было. Я так думал. Но не сработало.

– Как вам такое отношение?! – после первой неудачи я захотел привлечь чужое внимание не только телом, но и словом, – Нравится?

Только снова нет. Не привлёк.

Прошла минута настойчивого ожидания. Всё-таки мне очень хотелось надеяться, что меня заметят и оценят, что семнадцать мужчин всё же оторваться от пустого таинства, которое им навязала чужая воля, и переключаться на что-то новое.

Я предлагал раздевание, возвращение к сути и естеству.

Однако мой личностный рост до голого короля никого не заинтересовал.

– Ме-ме-ме...

Ещё один миг и стало в конец скучно. Я понял, что оставаться нет смысла. Но и удаляться с позором мне не хотелось.

Я посчитал, что нехорошо признавать поражение. Моя гордость требовала ухода с высоко задранной подбородком. А потому я не стал собирать вещи с пола и вновь натягивать на тело. Я так и оставил их на полу, а сам вышел в дверь всё таким же – голым.

Мне показалось, это умная мысль.

Только лишь показалось.

– Здрасьте!

Я снова оказался в столовой. И теперь на меня смотрели два десятка женских глаз. Кто-то подавился...

– Да уж..., – прошептал я, но постарался быть стойким.

Голый, но король!

Как видно, завтрак для заключённых кончился. И вполне закономерно начался обед для сотрудников.

Но я-то не знал...

Неловкости или смущения я не чувствовал. У меня не было повода бояться собственного тела. А вот другие...

– Вам нравится? – спросил я у них.

Женщины молчали. Они пожирали своими жадными блестящими глазами мое низкокалорийное тело. Одна из них попыталась подняться со стула, влекомая моим мясом.

– Тук-тук-тук!!!

Её остановил громкий стук дверь. Три громких удара по дереву с выдержанными ударами. Женщины оглянулись на стук. Я посмотрел прямо.

И тут раздался грохот:

– Бах-барах!!!

Дверь в мгновение ока разлетелась на щепки. Женщины скрючились в защитных позах. Все они берегли лицо. Я же спасал куда более важные вещи.

Секундой позже дым рассеялся, град из щепок прекратился. Из обугленного дверного проёма появилась фигура. Я узнал её. Это была та самая девушка, которая так и не назвала мне своего имени. Она была со мной очень грубой. Она издевалась надо мной. Но при всём при этом я не желал ей зла. И поэтому когда я увидел её худощавое тело в светло-синем комбинезоне и очки, и черты лица, которые меня чем-то тронули и заинтересовали, из меня вырвались слова искреннего беспокойства:

– Что случилось?

Голубоглазая девушка не ответила. Она подалась вперёд, и из густой пелены дыма показалось поблёскивающее лезвие широкого ножа. Это лезвие было плотно прижато к её горлу.

– Что происходит? – повторил я.

Ещё немного движения вперед и из дыма показалась сжимавшая нож рука, потом появилась голова.

– Всем стоять! Не двигаться! – закричала голова.

Она была одета в розовый чулок. Голос определился как мужской.

– Это захват! Исполняйте приказы и с вами ничего плохого не случится!..

Ситуация была внезапной, нежданно-негаданной. Понятное дело, что нервы тотчас взвинтились.

– Какие ваши оправдания?

Голова повернулась в сторону вопроса. Его задала женщина в большой фуражке. Её крючковатый нос выглядел недовольным.

– Никаких!

Чётко и ясно. Затем голова обратила взор на меня.

– Мне нужен он!

Я не удивился. Неприятности снова нашли меня.

– Что? Опять? Не нужно меня снова похищать. Мне прошлого раза хватило...

Интуитивно и логически я прекрасно понимал, что мои слова и доводы не имеют силы в данном контексте. Однако же не сказать своего «фу!!!» мне мешала моя гордость. И я ждал, что мне скажут:

«Закрой хлебало!»

Сильно и властно. От такого гордость обычно затыкается. Она начинает понимать кто в доме хозяин.

Но таких слов не последовало. Не было грубости и авторитарного приказа. Был лишь тихий шаркающий звук. Пронзительно-скоротечный. А потом на пол рухнуло худощавое тело в светло-синем комбинезоне.

– Пах...

Глухой удар костей о мраморную плитку.

Мне сразу стало не до гордости. Мои широко раскрытые глаза источали недоумение.

– Что?..

– Лови!

Я поймал. Получилось словно в пионерболе. Мной был перехвачен отличный бросок с восьми метров. В других обстоятельствах захотелось бы грамоту или медаль. Но сейчас в моих руках была отсечённая женская голова.

– Ты поймал! Поздравляю!

Я потерянно смотрел то на человека в розовом чулке, то на голову в руках.

Я пытался понять.

– Зачем? – спрашивал я, – Зачем?

И внутри меня что-то рушилось.

– Ты идиот?

Вот о чем волновался человек в розовом чулке. Он не хотел говорить о высших материях.

– Нет.

Я смотрел на него и не видел сожаления. Я видел кривую розовую маску на лице. Отверстия вырезались поспешно, без предварительной разметки. И потому получились неровными и слишком большими. Из-за этого обнаженной оставалась добрая треть лица, а то и больше. Отверстия для глаз сползли до середины носа. А отверстие для рта – на подбородок, обнажая редкую козлиную поросль.

Ещё я смотрел на голову в своих руках. Кровь стекала с кровоточащего обрубка шеи мне на живот, капала на гениталии. Не знал, зачем я снял с головы очки, а потом сложил их аккуратно. Наверное, я следовал некой внутренней примете, древней традиции «не разбей очки, а то...»

– Что?

Кого я спрашивал? Человека в розовом чулке? Или кого-то другого? Мир? Вселенную?

– А вы почему молчите?

Я словно обвинял.

– Да! Почему?

Человек с ножом не был моим союзником. Он издевался: надо мной, над двадцатью женщинами, парализованными страхом его присутствия, над комнатой для обедов и завтраков...

Все женщины молчали. Одна прежде что-то пикнула и на этом всё. И более того, они даже не смотрели в мою сторону. Период экстаза закончился. Они теперь вообще никуда не смотрели. Их зрение играло в странную игру, фиксировалось в самых бессмысленных точках мироздания. Это была причудливо-глупая зрительная гимнастика, которая преследовала единственно возможную цель – отрицание.

– Они не видят ни тебя, ни меня. Для них такой образ мира безопасен.

– О чем ты?

Мы перешли на «ты». Человек с ножом сорвал со своей головы чулок. Я отбросил мертвую голову в сторону. Прекрасные голубые глаза приземлились на один из столиков, а потом скатились вниз.

– Оставь их себе на память, – сказал человек, лишенный маски.

Он имел в виду очки в моей руке. Я посмотрел на очки, потом на того, кто мне их подарил.

– Ты – убийца, – обвинительно бросил я.

– И что?

На меня смотрел обычный молодой мужчина с короткими русыми волосами, с красивыми зелёными глазами, с прекрасной улыбкой.

– Спице!

Он приказал, но не мне. И уснул не я. Уснули женщины. Все они, словно мертвые, упали. Кто-то рухнул головой на стол, кто-то вместе со стулом завалился на пол. Совсем рядом одна из женщин расшибла себе голову при падении, и тонкая струйка крови потекла по мраморному полу крошечным ручейком.

Я отступил.

– Не бойся!

Я поднял взгляд с пола, посмотрел вперёд.

Красивые зелёные глаза смеялись.

– Это всего лишь кровь!

Так просто!!! Человек с ножом в руке двигался вперёд лёгкой поступью, переступая через неподвижные женские тела, перегородившие проход.

Ему было всё равно.

Я хотел ещё больше отступить. Но куда мог скрыться голый человек?

Нож приближался. И я не знал, что будет потом.

Что было у меня? Чужие очки?

Я посмотрел на сжимаемый рукой трофей.

– Они теперь твои!

Что это значит? Что значат его слова?

Я не понимал. Но тело о чем-то знало. И поэтому оно отвергло чужую вещь. Оно отбросило её, словно вещь прокаженного, словно большого мерзкого паука, словно мохнатую отвратительную гусеницу.

– Ну что же ты...

Человек с ножом рассмеялся горлом. И звонкое эхо этого леденящего хохота пронзило мне душу.

– Чего ты хочешь? – спросил я, понимая, что бежать мне некуда.

– Мне нужен ты.

– Зачем?

– Ты задаёшь слишком много вопросов.

– Это плохо?

– Как сказать...

Человек с ножом замешкал с ответом. Он задумался, а пока думал, использовал нож для забавы.

– Бамц...

Металл скользнул по плоти и по дереву. И три обрубка пальцев оказались в свободном полёте.

– Не надо! Что ты делаешь?

Я пытался остановить его уговорами. Лезть на нож я не решился.

– Мне скучно.

– Ты не должен этого делать...

– Должен.

Он смотрел мне в глаза. И мне передавалась неисчерпаемая ярость его действий.

– Ты и все эти твои друзья-женщины...

- Они мне не друзья.
- Зачем врать? Ты пляшешь голым под их дудку.
- Всё не так.
- Всё именно так.
- Это был протест.
- Я не собирался что-то доказывать. Мне всего лишь хотелось постоять за правду.
- Чушь!
- Тогда убей меня!
- Я увидел странное движение одной из лицевых мышц. Наверное, это было междометие.
- Что? – воскликнул я, пытаюсь перевести мимику в слова.
- Возможно, позже.

Глава седьмая

– Итак, народ...

– А... Привет.

– Ты не один вернулся...

За пределами разорванного взрывом дверного проёма тоже встречались люди в розовых чулках. Их было немного, всего двое, но это уже было куда больше, чем мне того хотелось.

– Знакомьтесь...

Человек с ножом стоял у меня за спиной. Он говорил. Он обращался к своим поделщикам. А они интересовались мной.

– Интересная добыча, не правда ли?

Я был его добычей? Нет, скорее пленником, человеком без одежды. Добыча по определению мертва, бездушна и делима на мелкие части и органы. А я был жив.

Рука человека с ножом медленно легла мне на плечо.

– Он – наш путеводитель.

Всё остальное было и так ясно. Но не это. И всё же поделщиков интересовало другое:

– А почему он голый?

Здесь куда сложнее. Здесь нужно было объяснять. И это требовало времени. А времени не было. Взрыв должны были слышать. Некто мог вот-вот нагрянуть. Неподвижные тела могли обнаружить. К примеру, ещё парочка женщин с выпученными глазами. Они бы спросили:

«Как вам не стыдно?»

Что бы им ответил человек с ножом? Ему бы подошла реплика:

«Пошли на хуй!»

Он бы полоснул каждой из них ножом по горлу. И кровь заструилась бы по их тонким бледным шеям. Они бы сдохли. Лежали бы на полу и не двигались, как все те женщины, что остались за спиной. Те, что с головой и без неё.

– Выбирать не приходится. Берём, что дают.

Человек с ножом выдал истину в первой инстанции. С ней нельзя было поспорить. С ней можно было только согласиться.

– Тогда годится, – сказал один.

– Ладно, – сказал второй.

Два человека, замаскированных розовыми чулками, – один повыше ростом, другой пониже – переглянулись. Тот, что был выше ростом, не стал тянуть кота за яйца. Сиюминутное желание оказалось для него превыше всего остального.

– Да ну его, – сказал он и стянул маскировку со своей головы первым, – Кожа не дышит, вспотела.

Этот человек оказался молодым пацаном в возрасте примерно девятнадцати лет. Совсем сопляк. Но даже у него была своя перчинка. В глаза сразу бросилась мелированная причёска. К ней прилагался красиво очерченный рот.

Слащавость!!!

Вот каким было кредо его внешности. И потому волосы, что свободолюбиво вырвались из-под розового чулка, вовсе не растрепались безобразным образом, а встали, как полагается, то есть красиво.

– А коды доступа? – мальчик задал вопрос.

О, говорил он тоже слащаво.

А как иначе?

Такова уж была его неискоренимая суть.

В свою очередь голос из-за моей спины давал сопоставимые ответы:

- Они у него.
- Точно?
- Отвечаю.

Человек с ножом говорил и в то же самое время игрался. Странная манера стучать мне по голове костяной рукоятью, странная манера вертеть блестящим лезвием в поле моего зрения. Всё это было демонстрацией силы и уверенности. Но именно это и вызывало подозрение: зачем?

- Он нам их обязательно выдаст.
- Супер.

Я не имел ни малейшего представления о предмете разговора. Однако очень хотелось выжить. И я вроде как пообещал...

- Идём.

На этот раз рукоять уперлась мне в лопатку. Это подтолкнуло меня вперёд.

- Хорошо.
- Твоё согласие не требуется.

Меня толкнули ещё раз.

- А тыними уже этот дурацкий чулок с башки.

Теперь уже обращались не ко мне.

Это под раздачу попал третий участник странной банды.

- Мы – «Свидетели пикапа», а не хер пойми кто.

Третий участник банды молча повиновался. Он стянул с себя чулок и сделал всё прочее, что было приказано. Но я не помню деталей. Я также не запомнил лица и внешности того человека. Внимание мое было в другой стороне. Оно пыталось справиться с болью, пронзающей голые ступни. Ведь я уже немногим ранее стоял босым на разбросанных осколках бетона и штукатурки. А теперь мне предстояло двигаться по ним и с ними. Я чувствовал как парочка самых мелких и острых кусочков шевелится под кожей при каждом новом шаге. Это было ещё то испытание.

– Это тебе наказание за твои блядские выходки, – время от времени добавлял человек с ножом.

Он издевался.

Мы бродили около получаса то по одним, то по другим коридорам, но так никуда не вышли и не пришли. Это было очень утомительно, но, в конце концов, спустя ещё полчаса в мое левое ухо ворвался резкий крик:

- Стоять!

Затем меня очень больно схватили за шею. Кажется, человеку с ножом внезапно захотелось повисить планку собственной злобы. Оно и понятно. Он тоже устал. Человек с ножом и сам об этом упомянул:

- Я устал.

Так просто...

Только вот почему-то виноватым он определил именно меня:

- Мы ищем Третий манускрипт «Доктрины Кварта». Мы знаем, что он здесь.
- Отлично, – прошептал я, превозмогая боль в шейных позвонках.
- Веди нас.
- Куда?
- Сам знаешь.

Но я не знал.

Однако мне было точно известно, что мои в кровь исколотые ступни не выдержат ещё одного кругового движения в никуда.

Это было бы чересчур.

Мое дыхание на короткий миг стало прерывистым. Глаза бегали. Потом я сказал:
– Туда.

Заявление сорвалось с языка неожиданно выдержанно. Словно некая вера в наивысший абсолют вселилась в мой голос, сделала его своим незыблемым проводником.

– Наконец-то...

– Рад стараться.

Игнорируя нацеленный на меня сарказм, я сделал усилие над собой и выдавил из себя ещё несколько шагов, оставивших на напольном покрытии скупой кровавый след.

Так, кусая собственную слабость тела, порождённую болью и жжением в ступнях, я добрался до первой попавшейся двери. Я толкнул её. Дверь распахнулась.

– Надо же...

Раздался удивлённый возглас за моей спиной. Но мне было не до этого. Уж слишком сильна была боль в ступнях.

Большой стол полукругом, три больших монитора и человек, сидящий на барном табурете к нам спиной. Человек был полуголым толстяком, оставившим на себе из предметов гардероба только большие широкие трусы и чёрные носки.

Желтый цветочек, голубенький цветочек, зелёный квадратик – таким был дизайнерский рисунок трусов толстяка. Но у меня не было и таких.

– Возьми вон ту обувь и ту одежду.

Странно, но человек с ножом внезапно перестал быть безразличным к моим нуждам. Впрочем, случайностью здесь и не пахло. Я был хорошим мальчиком.

– О!

Приказ человека с ножом привлек внимание человека в цветастых трусах. Его толстая шея развернула одутловатое лицо с выраженной щетиной в нашу сторону.

– Сюда, сюда... Скорее!..

Быстрым движением руки он энергично привлекал к себе внезапно нарисовавшихся гостей. Его лицо, несмотря на одутловатость, было полно живого энтузиазма, азарта и счастья. И все ломанулись на призыв. Клюнули.

Я едва успел натянуть чьё-то драное шмотье и чьи-то стоптанные ботинки, чтобы не опоздать.

– Смотрите!

И все смотрели. Я смотрел из-за спин прочих. И мы видели.

Но что мы видели?

Много-много фоток молодящейся бабы с рыжей копной на голове?

– Жена? – спросил я.

Это был вариант ответа, который первым приходил в голову.

– Нет, конечно же.

– Тогда кто она?

Тут уже спрашивал человек с ножом. Его красивые зеленые глаза недобро посмотрели в мою сторону. Они предлагали мне заткнуться.

– Дура тупая!

Свисающий на стол живот толстяка затрясся от дерзкого хохота.

– Вот же овца!

Он не смеялся. Он ржал и бил себя при этом по колену. Но вдруг всё это резко прекратилось. И толстый узловатый палец указал на один из мониторов.

– Поверить не могу...

– Во что?

– В это...

– Во что «это»?

– В это...

И мне, и человеку с ножом, и всем остальным хотелось понять. Но мы не понимали, хотя всматривались в монитор изо всех сил.

– Ты, видимо, помешан на этой рыжей блядине...

Недалекие характерные особенности не позволяли человеку с ножом видеть дальше своего носа. Он как обычно искал простой прямой путь.

– Лучше дай нам то, зачем мы пришли.

– Да нет же, – возразил толстяк, – Вот же он!

– «Он» – это кто?

Толстяк с укором посмотрел на человека с ножом, презрительно оценил нож и возможно подумал, что холодное оружие действительно ума не прибавляет. И тогда, действуя исключительно в интересах особо одаренных личностей, он уже не просто указал, он ткнул пальцем в монитор, тем самым даже царапнув ногтем пластиковое стекло.

– Тот, кого я искал.

– И кто же он?

– Главная цель.

Мы уже не смотрели на уродливую рыжую дамочку, пытающуюся строить гримасы на камеру или поющую мимо нот на празднике пенсионеров. На разных мониторах встречались разные варианты событий. Теперь мы смотрели на заурядного старикана в полосатом белоголубом поло и серых штанах под чёрным ремнём. Таким дедулей сложно было удивить. Его редкие седые волосы с проплешинами и выступающий над ремнем животик были символом его поколения. Удивляться было не чему. И радоваться определённо тоже.

Мы продолжали пребывать в непонимании.

– Цель?

– Ну да...

Человек с ножом, двое других и даже я – все мы в тот короткий миг между разными репликами посчитали сказанное глупым словоблудием, дерьмом собачьим. А вот толстяк почему-то надеялся на наше понимание. Это было написано на его лице. И он почему-то надеялся на наше внезапное единение на поприще объясняемой идеи.

– Капитан Пузатик.

Кто-то выдавил злобный смешок. Не знаю кто. Было неинтересно выяснять. Я смотрел на монитор. Я пытался переварить. А вот человек с ножом, как и прежде, предпочёл обратиться к отрицанию.

– Херня!

– Нет, это точно он.

– На хуй! Нет ничего важнее «Третьего манускрипта».

И тут на лицо толстяка вернулась улыбка. Он видимо знал, что даже самое сильное отрицание никак не влияет на правду.

И всё бы хорошо, как бы не...

– Сдавайтесь негодяи!!!

Голос громкоговорителя прозвучал как голос бога.

– Что опять? – я не смог не удивиться.

А вот человек с ножом вздрогнул.

– Нас обнаружили, – вот так озадаченно он описал ситуацию.

– Определённо.

– Что делать?

Трое переглядывались с полминуты. Их глаза невольно выдавали сдержанный испуг.

– А чего вы хотели? Думали, что взорвете дверной проем, и никто с вас за это не спросит?

Я теперь уже был одет, а значит посмелел. И я, скорее всего, смог бы выдать какое-нибудь ещё умное слово, если бы не случилось нечто из ряда вон.

– Так вас прислали не они?

В тот остросюжетный момент толстяка проигнорировали. Человек с ножом советовался со своими людьми. Его не интересовали толстяки, шпионящие за рыжими прошмандовками и другими толстяками. Но человек в цветастых трусах не молчал, настаивал на своём:

– Вы не из «НОГИ»?

– Какой ещё в пизду «ноги»? Ебанулся что ли?

– Если вы не из «НОГИ», то вам здесь быть нельзя.

– Да на хуй бы ты пошёл!

Очевидно, бесстрашному забияке стало мало игры с ножом в руках, и он зачем-то смачно плюнул в лицо толстяку.

– Мы – «Свидетели Пикапа», – крикнул он вслед плевку, – И нам можно всё! Нам насрать на толстопузых идиотов и потасканных рыжих кошелок.

Так он думал.

Так он заявлял.

Однако когда толстяк с раздосадованной миной на лице достал из своих цветастых трусов большой ствол, – и тут описывается отнюдь не метафора – у него появились и другие мысли и идеи.

– Какого?

– Бах!

Первый выстрел в цель не угодил. Впрочем, человек с ножом всё равно не остался без впечатлений. И потому нож не удержался и выпал из его руки.

– Бах! Бах!

Ещё две выпущенные пули исправили статистику. Первым умер слащавый пацанчик. За ним другой, тот, которого я не успел рассмотреть, узнать и оценить, а теперь было уже поздно. Вместо головы у него осталось одно название. И мозги где-то на полу слева.

Я тоже мог умереть. Но барабан опустел и щёлкнул вхолостую.

– Блин, – выругался толстяк.

А я был так несказанно счастлив. Это была моя величайшая удача.

– Тебе повезло.

Толстяк снова не улыбался. Его лицо покрылось пятнами бурого недовольства. Пустой револьвер упал на пол, стукнувшись о плотное дерево, и остался там без внимания.

Толстяк был здоровым мужиком, но судя по манерам чересчур мягкотелым. Он слишком долго медлил, прежде чем решиться вцепиться мне в глотку.

Мой мозг это понял. Мой умный мозг решил, что мне благодушно дарят спасительный шанс. Но, тем не менее, я тоже медлил. Я считал, что уже давно перерос свою прошлую жизнь и стал интеллигентом. Я решил, что мордобой больше подходит человеку с ножом. И я даже сделал конструктивное предложение:

– Дай ему по морде!

Но мое обращение было брошено в никуда. Оно разминулось со своей целью.

– Ну, на... – объяснила мне быстро удаляющаяся спина уже на выходе из помещения.

– Эй, подожди!

– На хуй!..

Ситуация мне не понравилась. А заплывшее от переедания лицо посмеивалось надо мной. Толстяка позабавил мой конфуз.

– Вот они твои герои. Шибко смелые только на словах.

– Ты прав.

Я пожал плечами.

– Конечно, прав.

Я смотрел в темно-серые глаза человека, который стоял передо мной. В них не было злобы. Немного раздражения – это да, но не злобы.

Он демонстративно потирал кулаки. Они указывали на исходящую потенциальную опасность. И мне, конечно же, было немного страшно за своё лицо. Но бить этого человека я всё ещё не хотел. Правда, уже по другим причинам.

Я решил ещё раз обернуться. Для верности.

Но человек с ножом уже давным-давно сверкнул пятками и пропал.

– Твой друг сказал: пока-пока.

– Он мне не друг.

– Тогда кто он?

– Хер моржовый, – с упреком произнёс я.

Человек в цветастых трусах рассмеялся. Это был добрый мягкий смех.

Я наслаждался этим смехом с полминуты, а потом, продолжая пристально смотреть в одно из двух темно-серых глазных яблок, сказал:

– А ты вроде нормальный мужик. И претензий у меня к тебе нет. Только вот...

Я между делом вспомнил про два трупа на деревянном полу. Они всё так же лежали, и кровь сочила из них, растекаясь в виде сюрреалистичной звездчатой фигуры.

– Прости за друзей.

– Я уже сказал: они мне не друзья.

– Тогда проехали.

– Да уж...

Выдавленное из собственной глубины междометие не относилось к чему-то конкретному. Оно лишь сигнализировало об определённой эмоциональной усталости от произошедшего.

– Извини, но мне нужно выпить чаю и расслабиться.

Я не собирался ждать разрешения или одобрения. Однако некоторые условности требовали соответствующих слов.

– Как тебя звать?

– Ваня.

– А я – Вова.

Ненужная информация пролетела мимо ушей. Я же в это время делал ленивые шаги к буфету.

– А чёрный есть?

– Где-то там.

– Отлично.

Буфет – это конечно громко сказано. Всего лишь низкий стол, электрический чайник лилового цвета, несколько бумажных упаковок, три чашки, два блюда, одна чайная ложка. Прикинув взглядом, что вода в чайнике присутствует, я дёрнул маленький рычажок и чайник запыхтел.

– Так как тебя угораздило связаться со «Свидетелями Пикапа»?

Толстый Ваня подкрался незаметно и, также как и я, взялся за одну из чашек и начал готовиться к чайной трапезе.

Я подумал, попытался вспомнить...

– Не сvezло.

– Понимаю.

Мы оба тяжело вздохнули. А тут как раз кипяток подоспел.

Две трети чашки залить кипятком, макнуть чайный пакетик и выдержать минуту, выбросить использованный пакетик чая и оставшийся объём чашки залить молоком. Желательно с высоким содержанием жира, чтобы напиток не получился водянистым.

Чайный ритуал прост и в то же время сакрален.

Я сделал первый глоток. Приятное ощущение разлилось по пищеводу и ушло глубже. В желудок? А может, в самую суть и естество?

После второго глотка жизнь стала налаживаться. Ноги перестали отвлекать саднящей болью. Я взглянул на толстяка в трусах. Он тоже пил чай. Он смотрел на меня. Его добрый, но хитрый прищур пытался меня изучить.

– Что? – спросил я.

Толстый Ваня понял, что я имею в виду.

– Странный ты человек.

– То есть?

– Зачем ты здесь?

– Гребаная бабская полиция запрятала.

– И что?

– Что «и что»?

– В твоих глазах светится ум. Ты не выглядишь как какой-нибудь хер с горы. А значит, у тебя есть связи, и ты мог бы с легкостью оказаться в любом другом месте. Но ты здесь? Почему?

Я нервно отмахнулся, отвёл глаза. Однако от себя не убежишь. Я об этом знал. И толстый Ваня тоже знал об этом. И поэтому он просто подождал совсем чуть-чуть.

– Забло меня всё это.

Слова вышли из меня, и внутри образовалась зияющая пустота.

– Что именно?

Наши глаза опять встретились. Но так хотелось снова отвести взгляд и так не хотелось разгадывать запечатлённые в выступлениях и впадинах губ и щёк секретные донесения из чужого тёплого и мягкого тела.

– Всё.

И тишина. Внутри. Снаружи. Я попытался залить её чаем. Не помогло. Она осталась. Пронзительная пустота внутри. Без звука. Без шороха.

– А ты-то? Ты что тут делаешь?

– Работаю.

– Работаешь?

– Точно.

– Но ведь это тюрьма...

– И что?

Действительно, что? Я задал вопрос. Однако его содержание было мне не доступно. Словно я только лишь выдавал набор звуков, чтобы изловчиться и отстраниться от главного.

Чего?

– Да, я в тюрьме, – продолжил Ваня, – но именно здесь я нашёл свою цель, своё призвание.

В этих трёх мониторах вся моя жизнь.

Толстяк гордо указал на технику. Его взгляд при этом светился любовью.

И я не понимал этого.

– Но что ты делаешь? Смотришь на людей с экрана?

– Нет.

– Нет?

– Моя роль намного сложнее, чем тебе кажется. Но тебе этого сейчас не понять. Ты поймёшь это позже. А сейчас тебе нужно уходить. Я...

Речь толстого Вани прервал злой женский голос по громкоговорителю:

– Так вы сдаётесь или как?! Мы требуем, чтобы вы вели себя по-человечески! У вас остались последние пять минут!

– Они требуют, – угрюмо прошептал Ваня, когда громкий женский голос стих.

Но здесь не было взгляда в пол. И не было вселенской печали безысходности.

Было только ёмкое:

– Пора.

И он взял меня за руку.

– Я выведу тебя отсюда.

– Хорошо. Но зачем тебе это делать?

Я не понимал.

– У каждого своя роль в этом мире.

* * *

– Моя мать время от времени выдавала очень странные перлы. Как-то она сказала, что я очень жесток и циничен. В другой раз я услышал от неё о том, что я заставлю всех женщин пожалеть о содеянном. И наконец, она дошла до того, что заявила, будто бы я обязан вернуться к жене и быть с ней несмотря ни на что.

– Но ведь твоя жена умерла...

– То-то и оно.

Глава восьмая

Я посчитал, что день сложился исключительно удачно. Как-никак выбрался из тюрьмы прямо через чёрный ход.

Феерично!!!

Мой мозг кричал. Мой мозг радовался. В крови кипели адреналин, дофамин и ещё какая-то хрень.

– Пошли вы все куда подальше, – негромко прошептал я, стоя на тротуаре и жадно вдыхая свежий воздух свободы.

Это была победа.

Но едва я попытался перейти улицу, передо мной резко затормозил блестящий чёрный автомобиль.

– Ой... – такое слово вырвалось из меня непроизвольно, потому как я едва успел отско-чить обратно.

– Вы что это? Опять за мной?

Предельно затонированное стекло не опустилось и тем более из окна не появилось важное лицо с огромной дымящейся сигарой во рту. Мне никто не ответил и не объяснил. Лишь мощный мотор чёрного автомобиля продолжал нервно урчать.

– Ну что ещё вам от меня нужно?

Мне было неприятно и тревожно ожидать горькой участи.

– Да задрали вы уже!..

Я ждал, что вот-вот распахнутся дверцы чёрного автомобиля, оттуда выскочат недовольные мною и жизнью люди и меня опять куда-то потащат, скорее всего, побьют.

– Не опять, а снова...

Однако же...

– Эй, Вася! Чего стоишь?

Мне сказали слово. Но оно пришло не с той стороны, с которой я ждал.

– Побежали!

Пока я ждал одного, внезапно случилось другое. Глупо получилось. А ведь мне только и нужно было немного повернуть голову вправо, чтобы правильно разобраться и предугадать.

Нет, чёрный автомобиль остановился не по мою душу. Его судьба и моя судьба шли параллельно и не пересекались. А то, что он остановился на моем пути, тут была другая причина – худой долговязый паренёк с глазами в кучу и резкими движениями длинных рук.

– Сейчас-сейчас. Освобождаю дорогу.

Он очень эксцентрично жестикулировал людям, которые прятались за тёмными стёклами автомобиля. Так он просил позволить ему закончить бег трусцой через проезжую часть в непо-ложенном месте.

– Извиняюсь...

Паренек бежал и светился вселенской радостью. В действительности ему было плевать на автомобиль. И автомобиль словно чуял его беззаботность и потому не сигналил, не тратил нервы. Он стоял, ждал. И даже когда долговязый оказался на тротуаре, обогнув капот, автомо-биль не сорвался с места. Автомобиль поехал медленно.

– Ну, привет, Вася!

Парень остановился лишь на мгновение, чтобы дружественно хлопнуть меня по плечу и сказать пару слов.

Далее было:

– Погнали!

Он рванул вперёд, то есть влево по улице. И я зачем-то последовал за ним, хотя мог этого и не делать. Ведь в моих планах было вернуться домой, потом на работу, потом снова домой и, возможно, в очередную пятницу снова посетить какое-нибудь тайное ёбщество, где будут перемывать кости женщинам и страстно рефлексировать на тему самих себя.

– Что мы делаем? – спросил я через пять минут пробежки.

– Бежим.

– Это я знаю. Но зачем?

– Такова идея.

– Чья?

– Наша.

Следующие пятнадцать минут бега были потрачены на попытку скупого самоанализа. За это время мы пересекли несколько улиц и углубились в городской парк. Естественно, я с непривычки стал задыхаться. Но тот, кто бежал первым, кто был одет в красную спортивную форму и обут в белые кеды, то и дело меня подбадривал:

– Дыши ровнее и станет легче.

– У тебя на спине надпись «Боря-бегун»?

Ну как же без вопросов...

С другой стороны они отвлекали от боли в левом боку.

– Ну да, – ответил долговязый, когда мы обегали фонтан и его брызги падали прохладными каплями нам на лица.

– И что это значит?

– Что я – «Боря-бегун». Другого не дано. У тебя вот на футболке спереди и сзади своя надпись – «Вася-бегун»...

– Но я не Вася и бежать не собирался.

– Но бежишь ведь.

Тут мы свернули за бурно разросшиеся кусты ярко-желтых роз. Там нас встретила толпа счастливых людей с цветными воздушными, гирляндами и конфетти. Там были мужчины, женщины, дети... Они кричали:

– Ура! Ура! Ура!

В нужный момент толпа расступилась, освободила мощённую камнем дорожку, по которой мы бежали, так что бег на этом не остановился.

– Что это было? – спросил я, когда мы отбежали метров на триста и оказались на небольшом мосту, переброшенном через пруд.

– Наши поклонники. Пришли нас поддержать.

– Их много...

– Это плохо?

– Нет. Но зачем им это нужно?

– А зачем это нужно тебе?

Из глотки попытались вылезти прежние уверения о том, что я не такой и жду трамвая.

– Ну, я...

Это была неотвратимая мания. Однако реальность была такова, что я действительно бежал вперёд и мне это нравилось.

Я посмотрел налево.

– Уточки...

– Красивые. Они каждый раз здесь.

– Каждый раз? То есть ты не впервые вот так бегаешь по городу?

– Нет, конечно. Сегодня уже восьмой наш забег. Ты не читал нашу историю?

– А где её нужно было читать?

– На сайте.

– На сайте?

– Ну, где ты заказывал фирменную футболку...

Я порадовался, что его спина не имеет глаз. Лёгкий конфуз на моем лице мог выдать ему то, что мне хотелось спрятать. И это бы всё испортило.

Ну а кому хочется чувствовать себя позорно несведущим? Нет таких?

Впрочем, Боря-бегун был не глуп и смог самостоятельно заполнить логические пробелы. У него хватило на это фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.